

Ярослав ВОРОН
МИР ЗА МИР

Annotation

Что делать, если твой мир – мир простого человека – разрушен чьей-то злой волей? Разумеется, обратиться за помощью к Стихиялям, поскольку для воссоздания миров нужны именно они! Однако нельзя забывать, что Стихиали при этом могут обвалить чей-то другой мир, и такой же простой московской девушке, чтобы воссоздать его, придётся самой становиться феей...

Ярослав Ворон

Мир за мир

*Светлой памяти
Евгения Александровича Спиридонова,
моего друга и учителя,
безвременно ушедшего от нас в 2021 году,
посвящаю этот цикл*

Эта книга возникла из написанного ещё в 2008 году одноимённого рассказа, а тот, в свою очередь, – из ещё более раннего замысла, который исходно, когда двадцать с лишним лет назад Стихиали явились к автору в первый раз, не пошёл дальше набросков и одной незаконченной главы. Автор, в конце концов всё же реализовав свой давно продуманный замысел, решил расположить главы в том порядке, в котором они писались в завершённом виде, поэтому хронология первых двух книг цикла – «Мир за мир» и «Щуки в море» – нелинейная и переплетается между книгами.

Для любителей строго линейной хронологии: описываемая история начинается в главах 5 и 6 «Щук в море», затем следуют главы 6 и 7 «Мир за мир». Дальше уже всё по порядку.

Глава 1. Мир за мир

2–5 октября 2004

*Очень плохо палачам по ночам,
Если снятся палачи палачам,
И как в жизни, но еще половчей,
Бьют по рылу палачи палачей.*
А. Галич

Сегодня он никого не ждал.

Как и вчера.

Как и все последние одиннадцать лет.

Те, с кем Алексей собрался провести эту субботу, были уже с ним – золотистый осенний день, свежая книга и пиво. И всё, конечно, отравленное! Слишком уж богат день неуспокоенной памятью. Слишком противоречив и безволен автор книги. А пиво... пиво – слишком ещё некупленное. Копаются девчонка-продавщица в поисках нужного сорта вторую минуту – хоть время засекай.

Ну вот, ещё и милицейский¹ патруль до кучи! Завис метрах в двадцати от палатки, так и пялится – то ли на него, то ли на пиво...

– Валер, не тормози! Тебе что, Ледяная Дева память стёрла?

Сержант (нет, сынок, дядя – *старший* сержант!) – угрюмый, с копотью похмельной злобы на лице – потянулся к автомату, но схватился всё же за дубинку. Каковой и перетянул нетерпеливого юнца-напарника пониже спины:

– Не поминай. Понял, м-мудак?!

– А чё я сказал-то?

– Не поминай... оххх! – пожилой патрульный пошатнулся. Ну да, «межушный ганглий» – то бо-бо, а тут такая вспышка ярости. – Иди пива возьми за штраф!

– Какого? – молоденький «мосол»² явно не въехал, что за косяк он вдруг упорол. Но что таки упорол – начало доходить. Ишь какой тон стал заискивающий.

– Макс. Ёрш. Твою. Девятку. Как. Всегда. Две.

«Ко мне докапываться ему сейчас некогда», – сообразил Алексей, – «но на пиво раскрутит, просто чтобы на ком-то сорваться после такого наезда». Прикидываться ветошью было поздно – о *замеченную* ветошь с удовольствием вытрут ноги.

Зато ветошью прикинулась продавщица. Вот сучка, делает вид, что сдачу никак не отсчитает. Суду всё ясно: успеет он отойти – пиво с неё самой стрясут. Этот Макс явно не из тех, кто привык сам платить.

– Душонка у него тёмная и дешёвая, а пива ему подай светлого и дорогого, – вполголоса пробурчал подошедший «подменток». – Гражданин-нарушаем-ваши-документы!

Последнее прозвучало не слишком уверенным тоном. Да и шуточка – «ай, маладца!» Злиться Алексею расхотелось совершенно.

– Да, и две «девятки». Ну что, нашли сдачу?

– Три. Я тоже хлебну. И пачку «Мальборо». – И шёпотом: – Спасибо, мужик.

– Не стоит. «Ещё не разучился, но уже стесняется. Через месяц вообще забудет, что есть

такое слово».

Алексей еле удержался от идиотского вопроса: «Кто такая Ледяная Дева?» Хотя явно не белая горячка, уж это-то у ментов просто профзаболевание – типа насморка. Зачем тогда в метро все вагоны облеплены банными листами рекламы? Вот у «Яндекса» он и спросит. Надо же, есть на свете *нечто*, чего эти гопники в погонах боятся!

* * *

Нашлась, родная! Точнее, нашлись – не одна, а целый морг Ледяных Дев. Но ни память, ни даже бельё никто из них не стирал – так, ломались себе потихоньку да принцев подкарауливали. Похоже, литераторов стряпали на той же кухоньке, что и ментов: любая автриса любовных романчиков и половина поэтов, ой-вэй... В общем, такое впечатление, что их централизованно снабжают штампами с титулом «Той-Кого-Сотрудники-Органов-Не-Поминают», которые без особых ухищрений вляпываются в название очередного опуса.

Так. Следующая! Дежурная блевотина ссылок на норвежские сказки, книжные магазины и прочую муть... Что?!

«Это такой милицейский миф... ответ на вопрос Кто такая Ледяная Дева».

Мышь, кидаясь на ссылку, хоть раз в жизни почувствовала себя кошкой:

«Это такой милицейский миф, типа «Чёрной руки» у альпинистов. Если у кого из них сердце с бодуна откажет, говорят – Ледяная Дева поцеловала».

«Да не с бодуна! Если мент увидит Ледяную Деву, то скоро умрёт».

«И что, видел кто-нибудь?»

«Говорят, да. И его убили на следующий день».

«Кого – его? Имена, явки, фамилии?»

«А почему только менты? Я слышал, её судья какой-то видел, но вроде жив остался».

«Я сам в милиции служил. Херня это, но всё равно – не упоминайте о ней при наших, за это в морду могут дать. Примета очень плохая – перед дежурством её помянуть».

«Полицай, а что рассказывали-то?»

«Что она взглядом убивает и ваще... Типа это привидение девки, которую изнасиловали, а дело возбуждать не стали, вроде как насильник то ли забашил, то ли у него волосатая лапа была. Так она повесилась и теперь ментам мстит».

Больно... Олечка, тебя ведь тоже убили. И многих. И никакого дела. Победителей не судят – им отдают город на разграбление. А он даже отомстить не может – нет у него таких денег, чтобы Бориску достать. А сами убийцы – за стеной анонимности. И потом, царь ведь приказал! А царя не достать... Круг замкнулся. «Виноваты все – и никто» – так, кажется, твердят все, кому *не больно*.

Остервенелое вливание стакана водки. К чёрту пиво! Ну почему он никак не может забыть свою любовь? Ну хорошо, хорошо – не «забыть». Всех простить (хотя этим «всем» от этого ни жарко ни холодно), жениться, убрать со стены Ольгин портрет (ибо жена не одобрит-с) и упаковать все острые воспоминания в уютное ритуальное «Никто не забыт, ничто не забыто»?

«Ну-ну, привидение! Привидения из «калаша» не палят!»

«Пить меньше надо. Небось нажрались и постреляли сами друг друга, а потом привидение какое-то выдумали».

«У меня друган по профессиональному фольклору диплом писал, щас спрошу».

«Опять про святого Коннектия³? Баян».

«Даю справку. Ледяная Дева – что-то типа злой феи в ментовском фольклоре. Согласно их поверьям, может убивать взглядом и стирать память. Стихия – предположительно Вода. Описывается как девушка с глазами цвета морской волны (это всё, что вспомнил тот мент, которому она якобы стёрла память). По-видимому, легенда возникла на основе реальных случаев, когда ментов находили мёртвыми без признаков насильственной смерти, но с выражением ужаса на лице. При этом убитые не были связаны с ОПП⁴ (кроме, конечно, кремлёвской ОПГ), так что мотивом убийства вполне могла быть личная месть. В общем, стандартное мифотворчество, ей даже жениха придумали, типа если она водяная фея, то он – воздушный «фей». Жених, конечно, тоже злой».

Сообщение было скромно подписано «Тот самый друган». И столь же скромно не снабжено электронным адресом автора.

Стирать память. Он, избави Боже, не мент, но... Если бы ещё эта фея существовала!

Это не злая, это очень-очень добрая фея!

А сейчас... а сейчас он перебазируется... на диван...

Как это – не существует? А чьи же тогда слёзы онпил этим вечером?

Раз они тоже уносят...

* * *

Компас. Сапёрная лопатка. Пакет шашлычного угля. И – река.

Похмельный полусон разума рождает получудовищ. Бред, конечно же – а как ещё назвать его замысел? Ни более ни менее как *вызвать* её, Ледяную Деву!

Но сначала было кладбище.

Алексей давно уже превратился в жреца памяти невесты, так и не ставшей женой. Могила Ольги была не просто ухоженной – она напоминала языческий храм. Хотя почему – «напоминала»? В этом месте поклоняются – что же это, как не храм? В этом месте поклоняются не Творцу – какой же он, как не языческий? И Ольга, его Олечка, оживала, рождаясь от Храма и Памяти каждый раз, когда Алексей входил в ограду.

Если в начале пьесы воздвигнут храм...

Он больше не может служить жрецом. Звезда, имя же ей – Память, выпила его почти до дна. «Смертельная усталость» – не просто красивые слова. Приди да испытай! Но помни: на то она и смертельная, что...

...то в конце этой пьесы должно быть жертвоприношение.

Завтра.

* * *

Тогда, у могилы и на кладбище, глаза Ольги почему-то начали приобретать оттенок морской волны, а русые волосы потемнели и стали каштановыми. «Олечка, но ведь у тебя зелёные глаза!» – «Конечно, Лёшик, а какие же ещё?» – «Как у Ледяной Девы». – «Нет, я не она». Он ещё всё время оглядывался – нет ли рядом девушки с глазами цвета морской волны? Девушки на кладбище были не только в могилах – воскресенье как-никак, но не ледяные. Обычные, мясо-молочной породы.

«Я не она». Без тени удивления, как говорят о ком-то хорошо знакомом.

Поэтому сейчас он сидит под осыпающимся с неба октябрьским закатом на берегу Оки и, как последний идиот, готовится к ритуалу. Вдруг получится? А не получится – что ж, завтра его жизнь всё равно закончится, и они будут вместе.

Раз уж брякнул «тот самый друган» про стихию Воды, то и остальные три до кучи приплетём – чтобы, паче чаяния, не обиделись. В классическом порядке.

Он так и не смог решить, в какой стороне света лежит Вода – то ли север, то ли запад, так что пусть будет строго северо-запад. Значит, берег реки должен идти с юго-запада на северо-восток. Теперь выкопаем параллельно берегу канавку и насыплем уголь – на юго-восток, как ему и подобает, простирается Огонь. Земля у нас тоже скорее южанка – с юго-запада протянулась символическая насыпь, образуя третью сторону квадрата, перпендикулярную канавке и линии берега. Ну а Воздух и так везде – почему бы ему не опочить на северо-восточной, воображаемой стороне?

Алексей полез в карман за зажигалкой и только тут заметил, что день кончается не в сумерках – в тумане. Туман накатывался с реки рулоном розоватого шёлка, и его нежные лапы уже начали баюкать оставленную метрах в двадцати машину.

«Не найду ведь потом сразу!» Он торопливо забросил лопату в багажник и вернулся к берегу. Фары включать не стал.

«Вот я и дома!» С одной стороны зачаровывающе пляшет строчка огня, с другой – тихо звенит натянутой струной полоса воды. Туман выщвел и совсем поседел – день состарился, став вечером. Вечером третьего октября.

«Приди, Ледяная Дева, что от Воды. Приди, тот, что от Воздуха. Придите, Огонь и Земля. Простите невежду, не знающего ваших имён. Придите».

* * *

Он задремал лишь на мгновение – стоя. И так и не понял, почему проснулся и проснулся ли вообще. Лёгкие шаги? Всплеск волны? Взметнувшийся язык пламени? Дуновение ветра?

Туман по-прежнему нависал свинцовым сводом. Алексей отсутствующе смотрел на огонь и ждал. Ждал, что *она* появится – из *огня*? Идиот! Но развернуться к берегу всем корпусом он не успел.

– Воздухопроводчика вызывали?

– Что-что? – он невольно отшатнулся и чуть не упал от неожиданного голоса слева.

Самый обычный парень лет тридцати. Джинсы, светлая джинсовая куртка, умные серые глаза со смешливыми искорками. Смотрит с любопытной отстранённостью, слегка улыбается. И стоит – по воображаемую, «воздушную» сторону его самопального «квадрата Стихий».

– Основательный подход... – протянул «воздухопроводчик», разглядывая канавку и насыпь. – Так вызывали, сударь?

– Н-нет... вызывал...

– Знаю. Заказ на Ледяную Деву и иже с ней. Пральна, братан, нефиг мелочиться! – парень вдруг улыбнулся кому-то за спиной Алексея, и тот дёрнулся во второй раз – на его глаза легли тёплые женские ладошки.

– Угадай! – голос был задорным и звонким – того и гляди рассмеётся.

– З-земля, – он сообразил, что женщина встала на «земляную» насыпь.

– Да хватит его пугать, пусть выходит! – уже третий голос – грубоватый, с командирским оттенком. Огонь. Но как же Вода? Он ради неё, собственно, и затеял весь этот ритуал!

– Сохнет, – это «воздухопроводчик». Мысли читает, что ли? – Сам подумай, она же только что из реки.

– Я щас кому-то засохну... – хоть и просил «командир» не пугать, но *не пугаться*

команды не было. Она, наконец-то!

Те самые глаза – цвета морской волны.

Шапка каштановых волос над круглым лицом.

Взгляд с какой-то полухимической иронией.

И голос – стелющийся и далёкий, как северный океан.

* * *

«Что бы я сейчас ни сказал – скажу глупость. Молчу, молчу».

Все четверо теперь стояли напротив него и переглядывались, явно стараясь не рассмеяться. Наконец «командир», не без труда скусив улыбку, протянул руку:

– Игнат. По совместительству – Страж Драконов.

– Алексей. Фотограф, – добавил он зачем-то.

«Уфф... Контакт!» Только с чего бы это брови «Земли», неожиданно красивой златовласки, взлетели, как истребитель с катапульты?

– М-м... Таисия.

– Широко известная в узких кругах как Лесная Сестра, – улыбнулся «воздухопроводчик». – Ну а я – Страж Вихрей! По совместительству – Борис.

– Приятно. Марина, – сунула ладонь она. – Да, я – та самая. Ну и?

– Э... я хотел вызвать вас...

– Стоп. На «ты», лады?

– Хотел вызвать – тебя. Если честно, даже не думал, что получится.

– И не получилось. Вызывают дух Урана из астрала и посланцев звезды Сириус. А мы приходим по своей воле. Личное желание и никакой магии.

– Да я понимаю, маг из меня...

– Ошибаешься. Это, – кивок в сторону «квадрата Стихий», – именно магия, но хрен бы сработало, если бы мы сами не захотели явиться! Магией ты из воды разве что русалку вызовешь, только вызывать будешь всю ночь, а русалка окажется размером с кильку и ни разу не разумная.

– А вы-то кто такие тогда?

– Люди мы, люди. Не видно, что ли?

– А это... Стирать память ты можешь?

– Могу-то могу, – невесело усмехнулась девушка. – А оно тебе точно надо? Я-то думала, ты голову врага попросишь. Ну или имя, а голову сам будешь добывать.

– Врага? Почему сразу «врага»?

– Ха! Меня только за этим и призывают. Ты бы слышал, как сами менты начальство крыть начали! Как напьются – так всех чертей и Ледяную Деву любимому шефу в задницу!

– Зачем мне враг? Я невесту потерял...

– Да все мы там будем – и невесты, и враги. А стирание памяти отложим до утра, лады? Когда вино кончится.

– Вино?

– Игнат! Покажи ему!

* * *

– Нашли её убитую. Утром после той разборки Бориски с парламентом⁵. Но не собиралась она туда идти, чёрт побери! Следак тоже сказал – убили умышленно, почти

наверняка менты или военные, а не случайные грабители, и где-то в другом месте, а к телебашне потом подкинули. Только не дали ему ничего – ни пули исследовать, ни одежду. Он её родителям позвонил, сказал – если заплатите, буду на свой страх и риск копать, только всё равно никого не посадят, убивали явно по отмашке, и не сдадут власть имущие никого, сами же заказывали. А вот меня, говорит, или грохнут, или просто попрут из прокуратуры, так что денег надо много и сразу.

– А тебе он что сказал?

– Меня – сначала вообще видеть не хотел, типа я Оле никто, не муж даже. Потом, через полгода уже, удалось его подпоить, ну он и посоветовал – не лезь в это дело, Бориска своих псов специально человечинкой прикормил. Ну типа трупов побольше – и народ утратить, и карателей к людоедству приучить, чтобы им деваться было некуда. А когда совсем напился, начал орать, что он бы собственноручно всю эту зондеркоманду повесил в Нюрнберге⁶, потому что приказ приказом, а закон законом, и приказывать по закону надо, а не как чёрт на душу положит.

– Ну понятно. Следак-то из прокуратуры, у него свои идолы, да?

– Ага. Этим превыше всего приказ, а этому – чтобы законы соблюдались. Только потом он ещё стольник принял и стал мычать про ацтекских жрецов, которые богу закона Вич-кто-то-там...

– Уицлопочтли? Так он не закон крышевал. Он повыше был, типа презика у них, – поправил Страж Вихрей.

– Ну не знаю. Короче, он как ацтек – богам закона и порядка людей в жертву приносит.

– Угу. И мозги пудрит этим богам – тоже как ацтек. Богам же лучшее полагается жертвовать? Ну так Монтесуму на камень – чем не лучший кусочек? Только вождям они что-то сердце не вырывали, кем попроще откупались.

– Слушай, откуда ты знаешь?

– Знаю – что?

– Да он почти слово в слово то же самое сказал. Что все мы жрецы идолов, и все этих идолов обманываем.

– Так это не откровение. Это как мат – все знают, но делают вид, что не знают. Интересно, а дальше-то он что говорил? Надеюсь, не в кабаке откровенничал?

– Нет, мы дома у меня сидели. Дальше? Дальше он опрокинул ещё стольник и уже, понятно, ничего не говорил. А утром я его на работу отвёз, и тут он вспоминает: «Подожди!» И через полчаса выносит... – Алексей полез за пазуху и вытащил кусочек металла на шнурке.

– Не пробовал сам экспертизу заказать? – встрепенулась «Таисия», до этого окаменело молчавшая со стаканом вина в руке.

– А толку? Нет у меня таких связей. За большие деньги, конечно, могли бы установить – ствол номер такой-то. А кому выдан – военная тайна.

– Да не тайна! – со знанием дела включился в разговор «Игнат». Точнее, такая же «не тайна», как и номер автомата. Ну выяснишь ты – стрелял, скажем, Иванов. Дальше что? Хоть у нас уже и дядя Пу вместо Бориски, но не будет же он своих опричников сдавать!

– Кто стрелял – сейчас выясним, – решительно поднялась Ледяная Дева. – И зачем ему понадобилось стрелять в неё. Фотография есть с собой? Олина, в смысле?

– Есть. А разве можно по фотографии?

– Можно. Вода помнит всё.

Непроизвольно провожая взглядом идущую к реке «Марину», Алексей не заметил, как бесшумно исчезли в тёмном тумане Страж Драконов и Лесная Сестра. Рядом с ним, отстранённо перебирая угли в костре, остался лишь Страж Вихрей. Тёзка Бориски, чтоб ему сдохнуть... Или имя пришилиено на ходу?

– Ну да, имя левое. – «Опять мысли читает!» – Надо же мне как-то дразниться.⁷

– А... А они куда ушли?

– Игнат с Таиской? Да вернутся ещё. Только ты ведь не это хотел спросить, я правильно понял?

– А вы...

– «Ты», Марина же просила. Ты что, к Богу тоже на «вы»?

Набрав побольше воздуха, Алексей бросился в вопрос, как в ледяную воду:

– Ты – действительно – читаешь – мысли?

– То, о чём ты *думаешь* – да. Нет, Марина не может, и Таис с Игнатом тоже.

– Почему? Ох, извини...

– Потому что мысль – это Воздух, а не Вода. Как тебе объяснить? Пока информация в движении, её держит Воздух. А когда ты уже не думаешь, а *помнишь*, то память – это Вода.

– Понятно, – протянул Алексей, хотя на самом деле понял весьма смутно.

– Кстати, меня знаешь что смущает? То, о чём ты *не* думаешь. За каким, собственно, делом ты нас пытался вызвать?

– Теперь уже сам не знаю. Вроде очень хотел чего-то, а чего?

– Слушай, а у тебя нет такого чувства, что ты нашёл то, что искал, но боишься в этом сам себе признаться, а?

– Н-не знаю...

– Знаешь. После смерти Оли ты искал *правду* – но побоялся её найти. Потому что чувствовал – если идти по правде до конца, придётся мстить самому, и в полном одиночестве. Друга-то настоящего нет, правильно? На кладбище ты хотел *покоя* – и снова боялся, потому что в глубине души не верил, что самоубийство даст тебе полный покой. А теперь надеешься, что нашёл *друзей* – и опять, чёрт возьми, боишься! Человек, ну что ты ещё должен потерять, чтобы прекратить наконец бояться и *найти*? – Страж Вихрей уже не напоминал весёлого «воздухопроводчика». Теперь перед Алексеем стоял громовержец – гигантского роста, с ревущими тайфунами бездонных серых глаз, с сотканым из синеватых молний мечом в руке и с короной... а вот короны, как ни странно, не было.

– На гвоздике дома забыл, блин! Ты бы мне ещё скипетр с державой дорисовал и трон в задницу воткнул! По царю-батюшке соскучился?

– Да пошёл он в жопу, этот Николай! Достал уже.

– Ого! Это чем же? – громовержец вновь уступил место весёлому... нет – мудрому другу. «Ну друг, друг! Не боюсь я больше! Друг».

– Да зашёл я в церковь, хотел со священником поговорить – что делать, мне же больно! Стою жду, а он проповедь читает – какой царь-батюшка хороший был, да как ему молиться надо, да как он перед смертью всех простил...

– Суду всё ясно. Только почему «перед смертью»? Он и при жизни всех прощал. Воспомянем, братие, кротость иже во святых царя нашего Николая! Ибо прости согрешения вся клеветом своим и не вверг ни единого от сих во узилище за неделю кровавую!

– Вот-вот. Какое там узилище – в отставку и то не отправил. Я стою и понимаю – один к

одному! Что Николай – Второй и Кровавый, что Борис.⁸ Ну, думаю, замочит кто Бориску – так попы его тоже святым объявят. Да идите вы с такими святыми!..

– С них станется, – неожиданно подошёл «Игнат». А что? Не убивал? Не убивал. Не приказывал? Не приказывал. Руцкоблуда с Хамбулатовым⁹ простил? Простил. Всё, читай кафизму!

– Акафист, партайгеноссе! – Страж Вихрей, по-видимому, неплохо разбирался во всяких церковностях. – Кафизма – это...¹⁰

– Да ладно тебе! Лёха, ты что, в натуре Бориску хотел грохнуть?

– «Хотел»-то почему?.. Так один я, что ли?

– Да не за политику. За Ольгу твою. Только не думай, что Руцкоблуд лучше. Да он тех же отморозков подписал бы, и было бы то же самое.

– Ты не думай, что он царя-батюшку выгораживает, – перехватил Страж Вихрей. – Сволочи все эти большие чиновники, кто спорит? Убийства расследовать полагается и сажать гадов, а Бориска их орденами награждал.

– А приказы зондеркомандам кто отдавал – не Бориска? – взвился Алексей.

– А он что, приказывал убить конкретно Ольгу? Или «мочить всех»?

– Хорош философию разводить! – Страж Драконов подобрался и только что не встал «смирно», как для доклада командиру. – Зондеркоманда, говоришь? Ну так мало ли что там наверху штандартенфюрер штурмбаннфюреру¹¹ приказывает! Убить – это конкретный приказ от непосредственного начальника. До какого-нибудь шарфюрера Швухтеля¹² были общие фразы, а Швухтель своим подчинённым приказал: вот эту фройляйн – расстрелять. Фольглих, дизер Швухтель ист дер мёрдер. Ферштеест ду?¹³

– Этот Швухтель – что? – Алексей знал немецкий язык лишь в первом приближении.

– Убийца он, вот что, – пояснил Страж Вихрей. – Коллега, не издевайся! Тут беда у человека, а ты вермахт из себя строишь.

– Да ладно, так уж и целый вермахт... Ну извини, – протянул руку «Игнат». – Но всё-таки – *чего* ты хочешь?

– Дайте отдохнуть неделю! – взмолился Алексей. – От моей памяти.

– И всё? А потом что?

– А, всё равно, наверное... За эти одиннадцать лет я заслужил хоть неделю покоя? Наверное, Оля поймёт, не обидится.

– Оля-то не обидится. Но ты помнишь, *кто* это говорит – «Он не заслужил света, он заслужил покой»¹⁴? Как бы приговором самому себе не оказалось.

– Конечно, – Алексей вдруг почувствовал, что уже засыпает, и попытался украдкой посмотреть на часы. – Я кофе возьму в машине?

В отблеске костра мелькнул силуэт – Ледяная Дева возвращалась с берега.

* * *

– Папа, мама пошла гулять с Ксюшей. Сказала, что гречка на плите.

– Лизет, а ты сама ужинала?

– Ага. Папа, а можно мне конфету?

– У меня нет, мама придёт – даст.

– Не даст. Папа, ты маме не говори, что я выходила!

– Опять в угол поставила? Это за что?

– А маме не скажешь?

– Не скажу, не скажу!

– Я плохо кушала... – почти плачущий шёпот шестилетней Лизочки был настолько неподдельно трагичен, что Алексей лишь тяжело вздохнул. Опять Ольга гадость какую-то приготовила, а сэкономленное время потратила на попытки запихнуть её в бедную Лизет. Так и есть – стоит кастрюля с комками пустой гречки и всё. Никита, конечно, есть не стал – небось опять с матерью поругался и свалил к другану, теперь жена весь вечер дуться будет на всех. Вон Лизочке досталось уже... Нет, в натуре гадость, не будем мы это есть! Он не для того работает, чтобы дома жрать было нечего! Вроде кафе рядом есть, там не накурено и можно детям тоже что-нибудь взять.

– Лизет, Никита где?

– К Дане пошёл.

Ну вот, теперь сына придётся полчаса вызванивать! Да он ещё и огрызаться будет, и правильно сделает – ну кому захочется возвращаться в такой дом? Самому-то Алексею тоже давно не хочется – уже который год везде воняет то молоком, то детской неожиданностью, всё разбросано, опустившаяся растолстевшая Ольга, вечно взвинченный девятилетний Никита, постоянно хнычущая Лизочка, теперь вот и откровенно навязанная Ксюша, а там и ещё кто-нибудь... «Беги, мужик, беги!»

– Елизавета, а пошли в кафе?

– Мама не разрешает. Там курят и пьют.

– Я знаю место, где не курят. Одевайся.

– Папа, а мы правда пойдём в кафе? Я кушать хочу, – девочка полезла за ботинками, и в этот момент в замке повернулся ключ:

– Лёшик, раздень Ксюшу, я за коляской!

Альбац котёнку! Так и останутся они с Лизой голодными. Сейчас Ольга будет целый час плясать вокруг Ксюши – сначала варёво какое-то для неё, потом кормить, потом спать... То есть караулить это варёво будет он, а жена повиснет на телефоне: «Ты знаешь, Ира, сегодня по радио говорили, что в гречке много селена!.. Да-да, только запивать её надо непременно сырой водой, которая отстаивалась ровно два часа... Лена, что я прочитала! Оказывается, дети, рождённые при восходящей луне до полудня, будут страдать диабетом! Ты говорила, у тебя врач знакомый есть? Срочно Ксюшу проверить надо!.. И не говори, уже столько прививок придумали, а дети всё равно болеют».¹⁵ Всё это время около вкусно воркующей с такими же телефонными клушами мамы будет болтаться и хныкать неприкаянная Лизочка, которой тоже хочется вкусенького. Потом, когда дети лягут спать, жена опять начнёт грузить его очередным бредом на тему того, что у Никиты, как она вычитала где-то, «синдром гиперактивности», а у Лизочки – «синдром сжатого желудка». Ёлы-палы, да здоровые они, это у их мамыши «синдром людоматки»!

– Папа, а кто такой Альбац?

Блиин! Он что, уже думать вслух начал? «Беги, мужик, беги! Хватай Лизочку – и беги! Не оставляй её здесь, иначе она всё детство бесплатной нянькой пробатрачит! А Никита не дастся, на него где сядешь, там и слезешь».

– Это такая нехорошая глупая тётя. Лизет, ты оделась? Молодец! – Алексей поднял дочь на руки...

Не дочь, конечно же. Подушку. Под тающий голос жены: «Отпусти меня...»

И приснится же такая хрень! Это Ольга-то – опустившаяся чокнутая мамаша? Да она весь гардероб каждые полгода меняет, а уж косметикой вся ванная комната заставлена. Вот, спит рядом его красавица, да только что-то не хочется уже крепко обнять её спящую, как было когда-то давно.

Хотелось есть, и Алексей, встав и пройдя на кухню, заглянул в холодильник. Ну так и есть – салат, проростки, обезжиренный йогурт, ещё какая-то зелёная чушь. Ничего существеннее жена дома не держит и ему не даёт: «Я же на диете, не соблазняй меня своими отбивными!» Сходить в кафе? Чёрт, он вчера все деньги выгреб – выплата по кредиту за Олину машину. Уломала же его супругу на новенький «Мини» вместо трёхлетней «альмеры»! Уломать-то уломала, а свою зарплату опять на очередную идиотскую шмотку спустила – пусть теперь муж отдувается.

– Лёшик, опять ты в этих брюках! Я же их выбросить приготовила.

– Да ладно тебе! Оль, у тебя деньги есть – пожрать купить?

– Так! В холодильнике есть полезная еда. На холестерин денег не дам, они у меня на стилиста отложены.

– Я же вчера отдал тебе все деньги на выплату!

– Ах, это я виновата, что ты так мало зарабатываешь? Да с тобой по улице идти стыдно – костюм двухлетней давности, мобильник вытаскиваешь – хоть сквозь землю провались, а машина? Надо мной уже смеются – муж на «пассате» ездит!

– Так возьми кредит и купи мне машину, какую хочешь! Почему я один должен кредиты брать?

– Да? А выплачивать кто будет?

– Тебе надо – ты и будешь, вместо своих шмоток!

Успокаивать демонстративно плачущую жену Алексею пришлось полчаса. Такие сцены у них случались каждый месяц, но в этот раз, услышав дежурные всхлипывания «ты меня не любишь», он вдруг понял со всей ясностью: да, не любит! Шмотки – хрен бы с ними, но давно уже ему с Ольгой попросту не о чем говорить. И ей с ним – тоже, вот и заполняет дурочка пустоту жизни погоней за вещами. «Беги, мужик, беги!»

Он и побежал – до удара головой в дверь квартиры...

* * *

В спинку родного дивана.

– Отпусти меня... – прошелестел голос Ольги, уходя вместе со сном.

Фигасе! Ему снилось, что ему снится сон? Вложенные сны?¹⁶ А сейчас-то он проснулся или это очередной сон? И он, проснувшись, всё-таки увидит любимую, как Моррель у Дюма?¹⁷

Нет, уже не сон. Какой там Дюма! Его квартира, оставленная в воскресенье днём. Портрет Ольги на стене, так и не убранные с субботы пивные бутылки на столе рядом с компьютером, рядом ключи от машины... Машина! «Пассат» остался на берегу Оки, в ста с лишним километрах отсюда! Но как он тогда попал домой?

Значит, всё остальное тоже приснилось – «квадрат Стихий», костёр с вином на берегу, Страж Вихрей и Ледяная Дева... Не ездил он на Оку, и не бывает на свете чудес – бывают только сны. Что ж, заснём опять!

В бутылке ещё оставалась водка. «Всё равно идти, мало», – Алексей влез в ботинки и

набросил куртку, отряхнув её от песка. От песка! Так где он всё-таки был вчера?

«Пассат», конечно же, стоял во дворе, и на спидометре, конечно же... Нет, на спидометре прибавилось двести с лишним километров. То есть он ездил куда-то и не помнит обратной дороги? Или давал кому-то машину и тоже не помнит?

«Спокойно. Я смотрел на спидометр, когда клал в бардачок термос с кофе, и это уж никак не снилось. Потом на реке выпил стаканчик, потом ещё один. Значит, если всё это приснилось, термос должен быть полным».

В термосе оказалась где-то половина ещё тёплого кофе. Алексей машинально допил его и в полном изнеможении откинулся на неудобное сиденье. Неудобное? Так и есть – сиденье сдвинуто вперёд. Значит... Нет, нет, всё приснилось, не может быть чудес на свете! Ошалело мотнув головой, он выбрался из машины и поплёлся в магазин.

Звонок в дверь раздался, когда Алексей лихорадочно скручивал крышку с бутылки. «Да пошли вы все, я не обязан быть дома!» Но звонивший никак не хотел уняться.

«Опять этот алкаш с первого этажа на угощение напрашивается!» – он раздражённо отодвинул пустой стакан и подошёл к двери.

– Ну кто там?

– Тот, кто мог бы и не звонить!

* * *

– Нет, ну что ты! Лично я никаких снов не насылаю.

– А кто тогда?

– Да обычно никто со стороны ни при чём, это просто разум играет. Но если *такие* сны... Говоришь, оба раза просила отпустить? Значит, работа Творца и самой Ольги, больше некому.

– Сама Оля? Просит отпустить и ещё издевается? То она «людоматка», то стерва шмоточная?

– А ты не думал, пока она была жива – как вы с ней дальше жить будете?

– Не знаю, но не так же! Не так! – Алексей, поморщившись, забросил в рот водку и полминуты, приходя в себя, хрустел солёным огурцом (стараниями Стража Вихрей закуски на столе хватало).

– Не так? Все думают, что будет «не так», а потом не могут друг другу простить, что любовь ушла. Думаешь, это любовь сама по себе должна людей поддерживать? Наоборот, это муж с женой должны за ней всё время ухаживать, чтобы не засохла!

– Но как-то ведь люди живут?

– А так вот и живут – на одной лени.

– Лени?

– Конечно. Не хотят менять ничего. Это Оля тебе крайности показывала, вот ты и побежал. А будь не так карикатурно?

– Так что же, любви нет? И Оля меня не любила?

– Да есть, есть любовь-морковь! Только для неё общее дело нужно. Республика¹⁸, так сказать. А не домострой и не контракт на оказание услуг для взрослых.

– А какое у Игната с Таисией общее дело? – Алексей никогда бы не осмелился задать Стражу Вихрей подобный вопрос, будучи трезвым, но в задушевной беседе можно брякнуть ещё и не такое.

– Однако заметил! Скажем так, помогать таким, как ты. В Интернете про нас на самом

деле правду пишут.

– Борис... А ты не скажешь, Оля меня любила?

– Любит! Потому и просила отпустить, чтобы вы расстались любимыми и не топили потихоньку любовь в тухлятине. Марина, что ты ухмыляешься? Между прочим, могла бы и в дверь позвонить!

– Зачем? Чтобы соседи потом трепались, что у Лёхи девка новая, а он себя предателем чувствовал и оправдывался? – появившаяся непонятно откуда Ледяная Дева присела на край дивана и взяла со стола пустой стакан. – Ну ты и спишь, прямо как медведь в берлоге. Мы тебя тащим-тащим по лестнице, а ты всё спишь.

– Да я уж догадался, как всё было. Машину ты сюда пригнала?

– Ага. Так что вы с Борисом решили?

– В смысле?

– Блин. В смысле – что с тобой дальше делать. И что делать с этими, – «Марина» развернула листок из блокнота. – Сержант Кресов Виталий Андреевич¹⁹, в настоящее время прапорщик. Дёшево совесть продал, а? Даже офицерского звания до сих пор не получил! Совершил убийство по приказу своего непосредственного начальника, лейтенанта Семихина Игоря Юрьевича, в настоящее время майора. Ну и?

– А адрес?

– Адреса пока не скажу, и подробностей тоже. А то ты напьёшься и попрёшь на этого Семихина с голыми руками, а он профессиональный каратель, убьёт не задумываясь и ещё медаль очередную получит. Могу только сказать, что оба москвичи.

– Так что ты предлагаешь? – взмолился совершенно опустошённый Алексей. – Адрес я и сам выяснить смогу. И ствол достану.

– И всё? Вот ползёт такая гнида, вдруг бах – и пуля в башке. Так и подохнет довольный – за одиннадцать лет твоих страданий? Это если ты ещё попадёшь как следует.

– Он разрушил мой мир. Он отнял мою любовь. Я... я убью его жену... – бормотал Алексей, не поднимая взгляда.

– Беда с вами, романтичными юношами! – вклинился Страж Вихрей. – Ты бы ещё сказал – тёщу грохнешь. Ну какая там любовь? Семихин вообще не женат и не любит никого, он только задержанных баб раскладывает и в шлюх на халяву спускает. А Кресов со своей супругой восемнадцать лет существует, все помидоры завяли! Думаешь, если у тебя любовь была смыслом жизни, то у всех так?

– Всё равно! Око за око, зуб за зуб... и мир за мир!

– Ты сказал. Именно «мир за мир». А где у них кощеевы яйца...

– Это я тоже знаю, – подхватила Ледяная Дева. – Только с Лёхой что делать?

– А вот это знаю уже я, – Страж Вихрей, приобняв Алексея за плечи, посмотрел ему в глаза. – Беги! Отпусти свою память, не надо её стирать. И не пытайся любить чужой любовью. Твой путь только начинается. Слышишь? Беги!

* * *

Жизнь представлялась Даше Кресовой сплошными зарослями крапивы.

Из-за отца.

Конечно, институт заложничества освящён вековой традицией, но от этого Даше было не легче. Взгляды на улице, полные бессильной и не очень ненависти, преследовали её лет с шести-семи, когда она шла по улице с папой и папа был в форме. И тогда же исчез папин

друг, весёлый дядя Андрей, по которому девочка сильно скучала и на вопросы о котором родители отвечали уклончиво. Маленькая Даша ещё не понимала, что эти взгляды предназначены вовсе не ей и что не от хорошей жизни отец постоянно ходит в форме.

Семилетних одноклассников родители подпускали к ней неохотно: «У Даши отец милиционер, она с тобой подерётся, а нас посадят! И смотри не брякни при ней, о чём папа вчера на кухне рассказывал!» Десятилетние – дали ей погоняло «Ментовна» и демонстративно распевали «Зондеркоманда молодости нашей». Тринадцатилетние – изводили вопросами на тему того, какие пытки применяют в милиции. Шестнадцатилетние – просто не принимали её в компанию: скажет ещё сдуру папочке, что Артём на байке без прав гоняет, а у Катяры частенько косяк в сумке... Правда, откровенную травлю они прекратили – в десятом классе к ним зарулил парень какой-то кавказской национальности, который в первую же неделю обозвал Дашу «омоновской подстилкой». После этого все начали чморить уже его – при всей неприязни к ментам, демонстративно хамящих чучмеков ненавидят куда сильнее.

Возможно, с ней и начали бы искать дружбы, будь она дочерью гаишника или следователя, но чем может быть полезен омоновец? «Бить, бить, бить, на допросах пытаться», как кто-то из сталинских наркомов выражался в резолюциях? Так бить – дело нехитрое, это люди и сами могут. А вот помочь человеку – именно как мент – омоновец при всём желании не в состоянии, ни легально, ни нелегально. Нет у него таких полномочий. Только бить.

Даша плакала. Даша дралась. Даша жаловалась папе. Папа был человеком толстокожим и отмахивался – бить его Дашку никто не бил, а злые слова – подумаешь!.. Девочка ненавидела одноклассников за их несправедливость – её папочка не дерётся и даже почти не пьёт, за что же его честят убийцей? Как-то раз она прямо спросила отца об этом, получив в ответ гневную отповедь и после этого немного успокоившись: на дом «работу» Виталий Андреевич не брал, а о том, что он делает на службе, Даша настолько остро не хотела думать, что умудрялась временами даже забывать, где именно работает папа.

А Виталий Андреевич, при всей своей простоте и толстокожести, боялся. Он бы не признался в этом никому, и прежде всего самому себе, но – боялся. Боялся, что «что-то случится» с его женой и дочерью, хоть и не испытывал к ним особой нежности. Кому, как не омовцу, знать, сколько отморозков – в погонах и без – пасётся на московских улицах? Для Даши он ввёл строжайший комендантский час, недвусмысленно заявив, что так будет всегда, и пусть дочь не надеется на восемнадцатилетие – хоть два раза по восемнадцать, а домой чтобы к восьми и ни минутой позже! И никакого телевизора, там сплошной р-разврат! Правда, побочного результата такой фельдфебельщины он предвидеть не мог – лишённая и компании, и свободы дочь милицейского прапорщика и кассирши из супермаркета, которой было нечего делать, кроме как заниматься, неожиданно поступила в университет. У отца хватило ума не препятствовать ей в этом, но с тех пор он чувствовал какую-то раздражающую неуверенность и стал, находясь «при исполнении», часто орать на окарауливаемую популяцию. Подчинённым тоже доставалось.

Но куда сильнее он боялся тюрьмы. Этот страх был, пожалуй, надуманным, но оттого и самым неприятным. Давно же похоронена убитая им девушка, закрыто уголовное дело, уничтожены вещественные доказательства, да и виноват формально не он, а отдавший приказ Семихин! Начальника Кресов тоже боялся, простым мужицким разумом чувствуя в нём что-то *запредельное*. Тогда, над телом Ольги (паспорт у неё был, и они не стали его уничтожать), когда Виталий заикнулся о рапорте, лейтенант холодно сказал: «А я здесь при

чём? Это ты зачем-то стрелять начал. Пуля из твоего автомата, свидетелей нет, и хрен докажешь, что я приказывал. Потому что мне совершенно не было смысла её убивать. Понял?» Смысла действительно не было, поэтому Виталий был очень благодарен командиру, который предложил подбросить труп к телевизшке. Дело, конечно, замяли, но Семихин прозрачно намекнул, что «ничего тебе не будет, пока ты выполняешь *мои* приказы». В те дни он набрал таким образом целую личную гвардию – кроме Виталия, подставились Шурик и Володя, а Гену и подставлять не надо было – сам рвался. Был ещё Андрей, но тот сообразил потребовать письменный приказ, благо обстановка была более-менее спокойная. Андрея с тех пор Кресов видел лишь пару раз, и говорил бывший друг с ним скомканно: да, комиссовали по состоянию здоровья... да, работает инкассатором... да, Дашу он помнит, передай ей привет. Потом Володя погиб в Чечне, а Шурик, видимо, запомнил только «ничего тебе не будет» и пропустил мимо ушей «пока ты выполняешь мои приказы», потому что устроил по собственной инициативе пьяный погром в кабаке, набив при этом морду не кому-нибудь, а гайшному полковнику. Шурик теперь со своим волчьим билетом авгостоянку сторожит и спивается потихоньку – только Виталий с Геной и остались в команде Семихина. Плюс молодёжь какая-то, но это пока не в счёт...

– Даша, ты? – прилёгший перед телевизором Виталий Андреевич наконец-то дождался стука каблучков в прихожей.

– Как, она ещё не вернулась? – встревоженная мать заглянула в комнату дочери. – Ой!

– Света? Что такое?

– Фотография какая-то с траурной лентой, я сначала подумала – Дашина!

– Какая ещё фотография? – Кресов раздражённо встал и подошёл к жене.

Оба страха взвились одновременно: «Меня посадят! С Дашкой что-то случилось!»

Он отчаянно хватался за последнюю глупую соломинку: «Нет! Нет! Дашка тут не при делах! Это воры залезали и забыли зачем-то!»

Потому что девушку с фотографии Виталий Андреевич прекрасно помнил.

Помнил даже её имя и фамилию.

* * *

Как хрустит на ресницах этот октябрьский день! Пройтись до метро – одно удовольствие. Ну и пусть она некрасивая, зажата и одета тоже «зажато» – солнце есть солнце! Рраз-два!

– Дашуль, привет!

– Привет! – машинально отозвалась Даша, ещё не успев понять, что окликнувшая её женщина ей абсолютно не знакома. Но красавица, и одета как! Вроде бы на первый взгляд пестровато, а понимаешь, что ничего лишнего, всё естественно, как сама земля. И золото с камешками – тончайшей работы, никакой вульгарности. Если у такого дня есть фея, то это именно она. Правда, феи не ходят с папками вместо волшебных палочек, но и папка в руках у незнакомки – само изящество.

– Таисия, – женщина слегка поклонилась. – Можно просто Таис.

– Откуда вы меня знаете?

– Я и родителей ваших знаю, и общие знакомые есть, – голос у «Таисии» был звонкий и весёлый, и Даша почувствовала огромную симпатию к ней. – Заехала в универ по делам, смотрю – Даша! Папа как?

– Нормально.

– А с Андреем вы что, поссорились?
– Дядя Андрей? Он же погиб... – губы Даши предательски задрожали.
– Первый раз слышу. Давно?
– Лет десять назад. Я помню, он к нам перестал приходить, когда мне семь лет исполнилось, а года через два папа сказал, что его какие-то «баркашовцы» убили.
– Хм. Ещё вчера вечером был живее нас с вами.
– Правда?
– Могу телефон дать. Он как раз про тебя вспоминал.
– А вы... его жена?
– Да нет, ну почему сразу жена? Печально... Значит, всё-таки поссорились они с твоим папой, вот папа и сказал, что Андрей погиб.
– Дядя Андрей... Ну как он мог? С ним же папа поссорился, а не я.
– А как бы он к вам приходил после этого? Дашуль, да успокойся ты, ничего ещё не потеряно. Он всегда рад тебя видеть.
– Слушай, дай телефон! – Даша тоже как-то незаметно перешла на «ты». – А из-за чего они с папой поссорились?
– Можно сказать, из-за Оли Тарановой. Которая тебе эту цепочку подарила, – «Таисия» кивнула на золотую цепочку – единственное Дашино украшение.
– Оля? Таранова? Это папин начальник подарил на день рождения.
– Ох, Дашуль... Она небось без пломбы была?
– Без чего? А, ну да... – Даша начала сжиматься, предчувствуя, что она сейчас услышит, но отчаянно не желая в это верить. Всё, однако, было написано у неё на лице аршинными буквами, потому что «Таисия» чётко произнесла:
– К сожалению, не ошибаешься. Не веришь – позвони Андрею.
– А папа при чём? Это не он! Это дядя Игорь подарил! – Даша начала яростно срывать с шеи цепочку. – Подавись! Отдай этой Оле! Папа хороший!
– Спокойно! – женщина положила руку на плечо Даше, и та как-то сразу притихла. – Если хочешь, поедem отдадим. Только Оле уже ничего не нужно.
– Что, дядя Игорь её...
– Убил? Ну да, только не сам. Твоему папе приказал.
– Всё равно папа ни при чём! – Даша наконец-то нашла точку опоры, хоть и не свою, а заимствованную отцовскую. – Он же приказ выполнял!
– Да я уж догадываюсь, что «приказ – это святое». Так кто, по-твоему, должен отвечать?
– Никто. Это же приказ.
– А Игорь?
– Не знаю... – пролепетала окончательно уничтоженная Даша.
– Так вот. Тот, кто отдал приказ, отвечает, как если бы сделал сам. Как ни неприятно командирам об этом думать. А подчинённый имеет право попросить письменный приказ с подписью.
– А в чём разница?
– О Боже! Когда приказ устный, командир потом скажет, что никаких приказов не отдавал. Вот Андрей и сообразил попросить письменный, а другие – нет.
– И ему дали?
– Нет, конечно. Игорь слишком большая сволочь, чтобы быть дураком. И теперь твой папа у него в кармане.

– Убью дядю Игоря! – зарыдала Даша. – Я... я десять лет папу защищала, а он... он...

– Двое!

– Что – двое?

– Уже двое хотят его убить.

– А кто первый?

– Могла бы и сама сообразить. Ладно, ты Андрею будешь звонить?

– Нет-нет, не сейчас!

– А с отцом говорить будешь?

– Ой...

– Да я понимаю, что ты его боишься. Очень любишь, но – *боишься*, – «Таисия» раскрыла наконец свою папку и вытащила фотографию с траурной лентой. – Покажи ему. Только не в лоб, а лучше положи на стол у себя, чтобы он как бы нечаянно увидел.

– Это та самая Оля?

– Конечно.

– А... а где она похоронена?

– Хочешь съездить?

– Да! Не нужна мне эта цепочка!

– Ну поехали, потом я тебя сразу домой отвезу. Кстати, позволь дать тебе совет.

– Какой?

– «Когда говоришь правду, держи ногу в стремя»²⁰.

* * *

Пора! Даша посмотрела на часы – отец уже час как дома, мать вошла в подъезд пятнадцать минут назад. Так, дверь не захлопывать, только прикрыть... И раздеваться она тоже не будет.

– Ты где была? – выбросился навстречу отец.

– В универе. Пап, ну времени только полвосьмого!

– Я тебе разрешал парней водить? Разрешал? Ну?..

– Каких парней? – Даша откровенно растерялась. – Нет у меня никаких парней...

– Это ты прокурору рассказывай! Кто *это* сюда притащил? – отец держал двумя пальцами фотографию Ольги, которую Даша оставила на столе полтора часа назад. Ах, вот в чём дело! Кто бы мог подумать, что он припишет это каким-то мифическим «парням»!

– Я, а что?

– Где ты это взяла? – Виталий Андреевич остервенело скомкал фото и швырнул в угол. – Кто тебе вообще позволил приносить домой чёрт знает что? – он был явно не в себе и с каждой минутой всё больше распался.

– А что я такого сделала? – изобразила невинность Даша.

– Я спрашиваю, где взяла?

– Мы... мы учились принтером пользоваться...

Оплеуха!

Раньше отец всё же не бил её.

Значит, та женщина сказала правду. И дядя Андрей, которому она только что звонила – тоже. Он действительно очень обрадовался, но потом долго не хотел говорить ей неприятные вещи про отца. Лишь тогда, когда Даша начала выкладывать всё, что узнала, Андрей подтвердил её сбивчивый рассказ короткими «угу-угу».

– Ты ещё дубинкой меня ударь! – она постаралась презрительно скривить губы. – А потом застрели, как её!

– Ты что несёшь, дура? – это взвизгнула мать. – Не смей так с отцом разговаривать!

– Мам, а он что, тебе не говорил?

– Хватит! – рявкнул Кресов командирским тоном. – Да, я стрелял в неё! Потому что она оказала сопротивление при задержании! Она была вооружена!

Сошлись Виталий Андреевич на приказ Семихина – может, всё и обошлось бы. Но стандартные ментовские отмазки стали его роковой ошибкой, поскольку Даша уже знала, как всё было на самом деле. «Даже приказом не пытается прикрыться! Значит, всё понимает и потому так неумело врёт. Значит, ему даже не приказ дороже всего, а своя карьера под крылышком у Семихина».

– Папа, не надо, а? Тебе же дядя Игорь приказал. А потом вы с неё украшения...

– Вот именно – при-ка-зал! – отец вновь почувствовал себя в родной стихии. – В армию бы тебя, чтоб знала, что такое приказ! Небось умников в своём универе наслушалась! «Заведомо преступный, заведомо преступный...» – он попытался передразнить воображаемого «умника». Не нашего ума дело, мы люди маленькие! Поняла? Повтори!

– Мы люди маленькие. Мы без приказа ни шагу. Батяня комбат, напишите бумажку с подписью! – издевательским тоном отрапортовала Даша. – Я теперь знаю, что вы с дядей Андреем не поделили.

– Так это Андрей тебе рассказал! – взревел Кресов. – С-сука! Мы ему, понимаешь, убийцы, а он чистенький! Ну и где он теперь, этот Андрей?

– В банке работает. Инкассатором.

– Вот именно – в банке каком-то сраном! Да я могу в любой банк ворваться и всех мордой на пол положить! Вместе с твоим Андреем!

О Господи! Она и представить себе не могла, что отец окажется *настолько* испорченным человеком. За этот день – как постарела внезапно лет на десять. «Папа, раз ты такая сволочь, что ж меня-то сволочью не вырастил? Я бы тогда только ухмыльнулась, узнав про несчастную Олю, и подумала бы – «да уж, не повезло барышне». И преспокойно носила бы эту долбаную цепочку, даже с удовольствием – как-никак драгоценность с кровавой историей».

– Папа! Дядя Андрей хороший! А вы его выгнали! Чтобы остались только такие, как ты и дядя Гена! Сегодня ты эту Ольгу убил, а завтра такой же «маленький человек» убьёт меня? Фашисты вы с твоим дядей Игорем! – последние слова Даша выкрикивала, уже захлопывая за собой дверь.

– Дарья! Стой!..

Подготовка у прапорщика Кресова всё же была на уровне. Влезть в ботинки, зашнуровать их, набросить форменную куртку, открыть дверь – не больше десяти секунд. Догнать эту маленькую дрянь! Выдрать! И запереть дома, никакого ей больше образования! Ишь, умная нашлась – отца фашистом честит, милицию не уважает, приказ для неё пустое место... Он был простым мужиком, и его мир, такой железобетонно-правильный и неуязвимый снаружи, не выдержал несильного удара изнутри – самого обычного юношеского бунта, ибо все приказы и инструкции, подробно расписывающие, как разгонять восстания юности, обходили стороной ситуацию, когда юность в количестве одной штуки восстаёт в твоём собственном доме.

Может быть, Виталий Андреевич и догнал бы непокорную дочь.

Однако тремя пролётами ниже он чуть не наступил в кучу. Куча ошалело хлопала глазами и представляла собой стёкшую по стене на пол соседку породы «домовая активистка».

– Вита-алий Андреич! – заверещала соседка, поднимаясь с пола. – Что ваша девочка себе позволяет? Я ей говорю – «остановись, тебя отец зовёт», а она меня – в стенку! И обзывается ещё!

Вбитая в прапорщика «почтительность к старшим» вышла ему боком.

Отделаться от пожилой дамы он смог только через полминуты и увидел, выбежав из подъезда, лишь удаляющиеся габариты машины.

* * *

Хорошо было Стражу Вихрей и Лесной Сестре! Один, похоже, стал другом измученного Алексея. Другая – подругой закомплексованной Даши. Они могли позволить себе быть до конца искренними – как-никак говорили с друзьями.

А ему, Стражу Драконов, придётся говорить с врагом.

Да ещё напялив милицейскую форму.

Но по-другому Дашиного отца не разговоришь – с гражданским тот откровенничать не будет, а с военным ещё и подражаться может в таком состоянии. Значит, прапорщик милиции. Офицер для таких, как этот Кресов, – «умник», а на сержанта прапорщик будет смотреть сверху вниз.

Он спокойно проводил взглядом выбежавшую из дома растрёпанную девушку. Затем – увозящую её машину Лесной Сестры. И зашагал мимо подъезда, как бы случайно становясь между дверью и отъезжающей машиной. Мало ли, вдруг Кресов умудрится каким-то чудом номер разглядеть!

Не умудрился. Со вспыхнувшей надеждой на лице подбежал к «коллеге»:

– Номер, номер не запомнил?

– Этой машины, что ли? Не, не заметил. А что?

– Дочка, дочка там!

– Твоя дочка? – Страж Драконов решил разыгрывать типаж туповатого пофигиста.

– Да, да!

– Эта, что ли, девка, которая из подъезда сбежала?

– Ну!

– Так она во-он туда побежала.

– Блин! – Кресов еле удержался от того, чтобы заорать: «Давай её немедленно в розыск!» Какой, к чёрту, розыск – поскандалила дура и побежала, небось стоит где-то в темноте и ждёт, пока он успокоится. Приползёт на брюхе через пару часов, куда она денется...

– Да успокойся ты, куда она денется... Из-за жениха, что ли, поругались?

– Какой на хрен жених... Вот дрянь, а?

– Да ладно тебе! Выпить хошь? У меня конина есть, не одному же!

– А, давай!

– Даю! – Страж Драконов вытащил фляжку.

* * *

В пивной они сидели уже час. Коньяк – хорошая вещь для знакомства, но, как и всего

хорошего, его оказалось мало. Мрачный Кресов, слегка успокоившись, потягивал пиво, иногда прикладываясь к стакану с водкой. «Я же делал для этой дуры всё, что положено! От всего берёг девку! А от самого себя, выходит, не уберёг».

– Андреич, что поругались-то?

– Дура она! Думает, я генерал какой-нибудь, – Кресов залпом допил кружку и пододвинул следующую.

– А, знакомо. Денег не хватает?

– Да деньги – тьфу! – он вдруг осознал, что ни денег, ни шмоток Даша действительно почти никогда не просила. «Скромница ты моя! У всех наших жена с детьми деньги сосут – думают, раз мент, так пойдёшь и обеспечишь». – Взятась студентка на мою голову! Я ей долбил-долбил, что получил приказ – выполни, а она умничает!

– Это что же ты ей приказал?

– Да не ей! Это мне приказывают. Игнат, ну вот ты скажи – ты сам приказы выполняешь или умничать начинаешь?

– Да выполняю, выполняю... А ты что, её дружкам на митинге вломил?

– Преступника застрелил при задержании, – Кресов опять повторил то, во что Даша не поверила и во что он упорно пытался поверить сам.

– Ёлы-палы! Бывает... На фигу ей-то рассказал?

– Да блин! Не я! Это друган мой бывший, сука! Сам уволился, так теперь нас с говном мешает. Дашке моей меня заложил, фотки какие-то подсовывает... Ну не сука, скажи?

– А хрен его знает! Может, не он?

– А кто ещё? Дашка с ним корешила. Где только телефон нашла?

– Ну так выясни! Мобила есть? Как поссать пойдёшь – позвони.

– Дашке, что ли?..

Виталий Андреевич трясущимися руками налил полный до краёв стакан водки, жадно вылебал и только после этого обессиленно плюхнулся на стул. Лучше бы он не звонил! Ни Андрею, ни тем более Даше!

– Андреич! Ты чего?

– Это она! Она!..

– Что случилось-то?

– Ты что, совсем тупой? *Она!*

– Где? – Страж Драконов, изобразив полное непонимание, начал демонстративно озираться вокруг.

– Она... всё... Дашке... – в глазах Кресова был такой неподдельный ужас, что до «Игната» наконец-то дошло. Ей-Богу, такого он и предположить не мог – что не шибко сообразительный прапор догадается почти правильно!

– Тьфу ты! Вроде и выпили немного, а тебе уже Ледяная...

– Не поминай!

– Да не верь ты в эти сказки!

– Молодой ты ещё! Как прослужишь сколько я...

– Ну хорошо, хорошо. *Она* всё рассказала Даше. Дальше что? Что такого она рассказала, чтобы так бояться? – Страж Драконов на мгновение потерял осторожность и выразился «по-книжному», как никогда бы не сказал настоящий прапорщик милиции, однако Виталий Андреевич был настолько напуган, что не заметил этого.

– Я не виноват! Меня подставили!

– Да объясни ты по-человечески наконец!

– К-командир... приказал... а потом сказал, что не приказывал... и заставил на него работать...

– На него – это как?

– Показания выбивать... свидетелей запугивать...

Страж Драконов всё же вспомнил, что на нём милицейская форма, и удержался от естественного для простого смертного вопроса – а какое отношение омовцы имеют к следствию? Значит, Семихин сколотил банду и берёт *заказы*? И ведь наверняка подчинённым почти не платит – кто же будет платить *рабам*?

– ...и даже не платит по-человечески, сука! А теперь *она* Дашку...

«А как ты хотел? Гады по-человечески и не умеют, только по-гадски».

– Дашку-то за что? Тогда уж командира твоего, нет?

– А вот ей! – взревел Кресов, делая размашистый неприличный жест. – Не успеет, блин! Да я этого шантажиста сраного!..

– Ну и грохни сам, орать-то зачем?

– Убью. Ледяная Дева мне свидетель, убью! – чётко произнёс прапорщик, впервые осмелившись *помянуть*.

Под приговором майору Семихину была поставлена решающая третья подпись.

* * *

Похмелья он всё же не избежал. Да, собственно, и не старался.

Вчера они с этим Игнатом обошлись без экстремизма – тот вполне разумно посоветовал, во-первых, не разменивать выстраданное решение на пошлые хулиганства, а во-вторых, не торопиться и подождать до утра: «Да вернётся она! Ну куда ей деваться – работы нет, жить негде, даже денег с собой почти нет». Домой он дополз на автопилоте и сразу рухнул спать. Жена пилить не стала, спасибо ей хоть за это. Даша... Даша так и не вернулась.

– Виталий! Ты хоть знаешь, что дочь дома не ночевала?

– Тише... – поморщился Кресов. – Голова же...

– Ах, голова у него! Дочь непонятно где, а он вместо того, чтобы искать, нажирается, как...

– Вот что, мать! Гладь форму!

– Пойдёшь искать? Сейчас, сейчас, – жена вышла на кухню включать утюг.

Тяжело вздохнув, Виталий Андреевич полез в тайник. Как почти у любого мента, у него был незарегистрированный пистолет. Некоторые держали их чуть ли не открыто, но у него же Дашка... Где ты сейчас, дочь? Тебе положено жить дома!

– Ты только поставь им, чтобы нашли быстрее! – Светлана протягивала ему деньги. Да уж, крепко зацепило бабу – сама мужику на водку даёт! Это было неправильно, *не положено*, но всё же это происходило. «Урою гада! И плевать на всё, лишь бы Дашка вернулась».

На стоявший у дома Семихина «Фольксваген» с работающим мотором Кресов внимания не обратил. Не до того ему! И вообще, мало ли машин во дворах? Впрочем, ни Алексея, ни Даши в машине уже не было – они стояли этажом выше, напряжённо вслушиваясь.

Алексей знал, что рискует – как-никак майор, по всем критериям, его личный враг, и оставлять здесь свои следы не стоило. Однако увидеть труп врага – это нешуточная роскошь, ради которой можно и рискнуть. Вот Дашу он пытался отговорить, но та, узнав, куда и зачем отправился её папа, будто сошла с ума и рвалась к цели с упорством ядерной ракеты: «Я тебе

уступила, когда ты меня в комнату отправил спать, а себе на кухне матрас бросил? Вот и ты мне уступи».

Звонок. Ещё один. Щелчок замка.

– Виталий, ты? Что случилось?

– Дашка из дома ушла... – промямлил Кресов, чувствуя, как под свинцовым взглядом командира быстро уходит вся его решимость.

– Не психуй, вернётся!

– Ей сказали, чем мы *тогда* занимались. И чем мы занимаемся сейчас.

– Ничего, переберется! А будет языком трепать – посажу, так ей и передай...

Выстрел!

«Без глушителя!» – запоздало подумал Виталий Андреевич. А ведь почти подавил его майор! Не наступи Семихин по своей привычке на самое больное – так и ушёл бы он через пару минут с извинениями.

Деловито убрав пистолет в карман, Кресов вышел на лестницу.

«А потом такой же «маленький человек» убьёт меня?» – вспомнилось ему брошенное в лицо обвинение. – «Нет, Дашка! Теперь – не убьёт».

Начав спускаться, он бросил последний взгляд назад.

Семихин, с пулей в голове, ещё жил.

Но его мир был уже растоптан.

Как же так? Он, всесильный омоновец, поддыхает на пороге собственного дома! Его подчинённый, его раб, поднял руку на командира!

Правда, жить с этой разрывающей мыслью ему пришлось не одиннадцать лет.

А только несколько минут.

* * *

Алексей еле заставил себя не бежать по лестнице, а спокойно спуститься. Они тут не при делах, они просто парочка, зашедшая пообжиматься с ветреной улицы.

Нет, на выстрел никто из соседей не выбежал – время отучило любопытных бабулек сразу кидаться на каждый звук. А вот 02 наверняка уже кто-то набирает, и не в одной квартире. Быстрее!

Труп как труп. Хотя нет, ещё не труп. Труп врага вроде бы должен приятно пахнуть.

Дашу Семихин ещё успел узнать, и та прошептала одними губами: «А это жених Оли Тарановой». И плюнула.

Какой там приятный запах! Алексей сморщился от пробравшей его откуда-то изнутри невыносимой вони и краем глаза заметил, как содрогнулась стоящая рядом девушка. «Не иначе как его душа напоследок запачкала. Ну и гнусно же!»

– Совсем охренели? Уже вторую минуту здесь торчите! – прервал размышления о душе негромкий голос Стража Вихрей.

– И ещё одну секунду, – Алексей спустил затвор фотокамеры, с которой почти никогда не расставался.

* * *

Что может вместиться в несколько лет? А в один день? А в одну минуту?

Слишком многое. И слишком малое – это уж как посмотреть. Например, знаменитая художественная фотография «Конец карателя» – это многое или малое?

Групп с кровавой дырой над переносицей и плевком на щеке до сих пор мелькает в Интернете, и ему очень идёт омовская форма с майорскими погонами. История, как говорится, умалчивает, искали ли автора снимка пожарные, но милиция и фотографы – точно искали.

Однако автор бывает в столице далеко не всегда.

Да, он по-прежнему снимает свадьбы и праздники, но, может быть, вы замечали его где-нибудь в горах, или на лугу, или у художественно выглядящих развалин – человека с какой-то просветлённой тоской во взгляде, обвешанного фотокамерами? Говорят, что именно развалины удаются ему, как никому другому.

Глава 2. Лесные Сёстры

5 октября 2004

Пока возвышается идол на командной своей высоте и с властительной складкою лба бесчувственно и самодовольно коверкает наши жизни – дайте мне камень потяжелее! а ну, перехватим бревно вдсятером да шибанём-ка его!

Но как только он сверзился, упал, и от зёмного удара первая бороздка сознания прошла по его лицу, – отведите ваши камни!

Он сам возвращается в человечество.

Не лишите его этого божественного пути.

А. Солженицын

– Ты зачем нас призывал? – явилась разгневанная Ледяная Дева. – Помочь Алексею воссоздать его мир? Ну, помогли. А про Дашу ты забыл? Ладно, Кресова тебе не жалко, но девушку-то зачем бросил в её разрушенном мире? Автор называется! Хорошо хоть, что мы уже живём своей жизнью, как любые созданные с душой герои, и сами позаботились о ней.

– И что же с ней было дальше?

– Ты такого даже предположить не мог. Бери и пиши!

* * *

«Я больше не боюсь!» – раз за разом повторял про себя Кресов, переставляя ноги, как плохой робот. – «Злое божество свергнуто и уничтожено!»

Больше он не мог думать ни о чём. Ни о том, что его, скорее всего, попросят написать рапорт «по собственному», поскольку претензий к нему на службе уже выше крыши, а покровителя больше нет. Ни о том, что он теперь один из главных подозреваемых, да ещё и с палёным стволом в кармане. Ни даже о Даше...

Виталий Андреевич даже не обернулся на неожиданно возникшую сбоку женщину – отказали не только рефлексы киллера, которым у него и неоткуда было взяться (киллер, понятно, сразу сбросил бы ствол), но и рефлексы полиция. Забеспокоился лишь тогда, когда та подошла вплотную и коснулась его плеча.

– Отстань, не до тебя! – прорычал он.

– Очень даже «до меня». Это алиби! Посмотри, где ты!

Где он, в самом деле? Да около пивной в пяти минутах от дома, а Семихин-то жил чуть ли не на другом конце Москвы! И красивая молодая женщина рядом. Неужели?.. Нет, глаза зелёные, а не цвета морской волны. Уфф, пронесло!

– Ты кто такая вообще?

– Не она, успокойся. Посиди в пивной и сделай так, чтобы тебя запомнили именно в это время. Только не буйнь! Через полчаса к тебе подсядут.

– Кто подсядет?

– Ты его узнаешь.

– Ах ты!.. – Кресов хотел было возмутиться, что какая-то соплюха упорно говорит «ты» человеку явно старшему, к тому же в форме. Да, соплюха – выглядит лет на тридцать максимум, а ему-то сорок с хвостом! Золотистые волосы, зелёные глаза... Так это она

охмурила Дашку!

– Стой, гадина! – рванулся Виталий Андреевич, попытавшись схватить незнакомку...

...Но загрёб руками только пустое место – женщина необъяснимым образом исчезла.

Нет, точно в пивную! Выпить! К тому же Дашка Дашкой, а насчёт алиби совет дельный, раз уж его непонятным образом переместили сюда. Он посмотрел на часы – с того момента, как прогремел свергнувший злое божество выстрел, прошло меньше десяти минут.

* * *

Алексей с деланной собранностью подошёл к машине. Нужно быстрее сматываться отсюда! И заняться, наконец, делом, а не пожиранием водки и не оплакиванием Оли. Страж Вихрей был прав – его жизнь только начинается. Будут прекрасные фотографии, будут хорошие люди... Только женщин не будет – если он отпустил Олю, это ещё не значит, что непременно надо кого-то впустить. Да, ещё Дашу домой забросить!

Но Даша так и осталась стоять у подъезда, смотря куда-то невидящими глазами. Пустой, совершенно пустой взгляд... «Да ведь у неё впереди – пустота!» – с ужасом осознал Алексей. – «Что же мы натворили! Мы вот так, походя, разломали ещё один мир, причём мир совершенно невиновного человека. Да, плохонький мир, но он был хотя бы целый. А теперь любимый папа – двойной убийца, да и не будет папы больше – сядет лет на десять минимум, если даже не за свои художества с Семихиным, то уж за убийство Семихина точно. А не будет папы с его строгостями – дорвётся девочка, пойдёт вразнос! Я-то отомстил, а мне кто теперь отомстит за эту сломанную жизнь?»

– Даша, едем! – он всё же попытался вернуть сломанный цветок в его разрушенный мир.

– Я всё... – тускло отозвалась девушка. – Прощай... – она, тем не менее, попыталась сделать шаг, но не смогла.

– Даша!..

– Нет, Лёха, уезжай! – подошёл Страж Вихрей. – Ты всё равно ей помочь не сможешь. И не вини себя, умоляю! Это и без нас вот-вот должно было бы случиться. На группировку Семихина уже давно точили зубы, и всё бы вскрылось максимум через месяц.

– А Дашу что, так и бросить здесь?

– Ну уж нет. Ты прав – мы разломали мир невиновного человека, нам и воссоздать его, – «воздухопроводчик» отошёл к Даше. – Да, с ней даже хуже, чем я думал. Долбаный папаша с его казармой! Долбаная Марина с её хитрым планом!

– А разве можно? Ну, воссоздать мир?

– Почему нет? Для этого нужны четыре Стихии, и все четыре, как ты знаешь, в наличии, – Страж Вихрей поднял привалившуюся к нему девушку на руки, и они исчезли.

* * *

– Не надо домой! Не надо!

– А ты и не дома, разве не видишь?

Даша даже не спросила: «Где я?» и «Кто ты такой?», она повторяла одну и ту же мысль: «Папа выпутается... Папа выпутается... Не надо домой!»

– Да говори же ты с ней, говори! – вбежала Ледяная Дева. – Пусть даже истерика, только не этот ступор! Даша, слышишь? Меня Алина зовут, а его Артур, – она машинально назвала настоящие имена. – Ты на нашей базе, в Питере.

– А как я домой... Нет! Не надо домой!

– Почему?

– Не хочу! «Там уже нет дома, там только развалины дома».

– Там папа с мамой, они ждут тебя.

– Нет! «Папа убил двух человек, и теперь его посадят... Нет, он выпутается! Но он всё равно убил двух человек».

– Выпутается, – подтвердил Страж Вихрей, – с нашей помощью. Он у тебя векторный убийца – вторым убийством первое отменил.

– Артур, ты мудила! – Ледяная Дева буквально взорвалась. – Что за юмор физического висельника? Девушка же историк, и она не в том состоянии!

– А что, висельник – это же физический маятник, разве нет?

– Исчезни, физический объект! – появилась наконец Лесная Сестра. – Даша, папа в безопасности, у него алиби. Дашуль?..

– А-а-а!!! – истеричный вопль заставил обеих женщин отшатнуться.

– Ты тоже с ними! – орала Даша. – Нас с папой впутала! Почему Ледяная Дева сама дядю Игоря не убила? Теперь она папу убьёт! Ненавижу! Ненавижу Ледяную Деву! И папу ненавижу!

Алина так и не смогла вклиниться: «Не убьёт, Ледяная Дева – это я», потому что Даша продолжала вопить, не слыша уже даже саму себя:

– И Олю ненавижу! Она мне всю ночь спать не давала, всё смотрела... смотрела со стены... Не надо домой! Верните как было! А-а-а!

«Я виновата, я виновата...» – стояла в оцепенении Лесная Сестра. Её кольцо быстро прекратило бы любую женскую истерику, но даже феи могут растеряться. Нужны были сильные мужские руки, и они обняли её:

– Наталь, кольцо! Забыла?

Вовремя! Дашу уже били настолько сильные судороги, что даже могучий Страж Драконов еле разжал ей пальцы левой руки. На средний палец скользнуло кольцо с хризолитом, и девушка затихла, уставившись в потолок.

Всё хорошо.

Плохо не будет. Никак не будет, потому что ничего и не было. Ни папы, ни дяди Игоря... ни её самой.

Спать. Она не спала всю ночь.

Мешает только чей-то крик: «Наталь, другую руку! Она же память сбрасывает!»

Последним, что запомнила Даша, было видение Алины, остервенело рвущей с пальца камень цвета морской волны.

* * *

Не страшно.

Страхов больше нет.

Не надо бояться ни Семихина, ни тюрьмы. Почему-то он поверил женщине, похитившей Дашу – эти люди, кто бы они ни были, смогут обеспечить ему надёжную непричастность.

А дальше-то как жить – без страхов?

Страхи составляли основу его жизни. Ещё, конечно, страх за Дашку, что с ней «что-то случится». Так ведь тоже – уже случилось, бояться поздно.

Работу он, скорее всего, потеряет. Да и не работа это, а уголовное не пойми что, только из-за Семихина оставался, а так сам бы давно ушёл. Тут жалеть не о чем.

И что дальше?

И ничего. Пустота.

Эх, Андрея бы сюда! Весёлого боевого товарища и, пожалуй, единственного друга. Только и Андрея у него больше нет – потерял друга по собственной дурости. Выслужиться хотелось, приказ выполнить! Не понимал ещё тогда, что начальство потом исполнителей приказов сдаёт пачками.

Да и не только начальство. *Эти* тоже играли им и Дашкой, как шарами в бильярде. Понятно – Семихина им нужно было убрать, кого же ещё? И зачем-то понадобилось, чтобы это сделал кто-то из майорской же команды. «Да скажи уж честно – банды», – поправил себя Кресов. Но раз его самого выводят из-под удара, то?..

То подставят Генку Полянова, больше некого. Ну и хрен с ним! Генка – гад похуже Семихина, вот его-то точно не жалко.

Так, полчаса уже прошли, и с ними две кружки пива. Кто же знакомый должен к нему подсесть?

Да вчерашний «Игнат», конечно! Как можно было не сообразить? Ясно теперь, что он тоже из *этих*, и никакой он не милиционер. В армии-то служил и, похоже, воевал, это да – сразу видно. И что ему теперь надо? Выкуп за Дашку?

– Андреич, ну ты бы хоть вслух не говорил!

«Лёгко на помине, гад!»

– Да всё теперь пофиг... Дашку верните, гады!

– Что значит «вернуть»? Она может только *вернуться*.

– Она у вас?

– У нас, врать не буду. Всё утро кричала, что не хочет домой, потому что от дома остались одни руины. То есть это она не кричала, но очень громко думала.

– Ну какого чёрта дурит девка? На месте дом, его даже видно отсюда.

– Эх, Андреич! Что ж ты дочь родную понимать не научился? Одни руины – от семьи. От её жизни. От неё самой.

– Гады! – Кресова пробрало настолько, что он схватил Стража Драконов за грудки, забыв, что лезть в драку с палёным стволом в кармане – верх глупости. – Дашку зачем впутали? Ладно, я сволочь, сознаюсь! Могу признаться во всём, и в сегодняшнем тоже! Девчонку-то за что?

– Ну сгупили мы, сгупили! Надо было сразу на тебя выходить.

– Идиоты! Игнат, или как тебя там! Если бы ты ко мне пришёл с какими-никакими деньгами и заказал этого уроды – так я бы тебе его бошку в подарочной упаковке принёс! Его все ненавидели, и все об этом знали! Нет, развели психологию – теперь Дашку небось лечить придётся. Вот так просто взяли и сломали девку!

– Не принёс бы, в том-то и дело. Ты его слишком боялся, иначе давно бы грохнул.

– А теперь – не боюсь! И ничего не боюсь!

– И Ледяной Девы не боишься? – усмехнулся Страж Драконов. – Кстати, я Виктор.

– И её!.. – выкрикнул было Виталий Андреевич, но вдруг почувствовал родное чувство страха.

– Вот её – всё ещё боишься. Остался последний страх. А пошли к ней в гости завалимся?

– А пошли! Только Дашку верните!

* * *

Ожидание затягивалось, и Алина нервно расхаживала по квартире. Московской, а не питерской.

Только бы Кресов остался в рамках адекватности! Даша вот не смогла, но её папаша поустойчивее должен быть. Но если всё же попытается устроить мордобой или, хуже того, достанет пистолет? Страж Драконов, конечно, исчезнет моментально, а Стража Вихрей и не заметят, он может становиться невидимым. И останется прапор один на один с патрулём. А это значит, что они не вытащили Дашиного отца. А без этого не вытащишь и саму Дашу – Алина понимала, что создать новый мир можно только для них вместе.

Она прикурила очередную сигарету. Да, феи тоже нервничают! Перекинуться бы парой слов, да не с кем – Лесная Сестра не здесь, она в Питере с Дашей, нельзя сейчас девочку одну оставлять.

Алина посмотрела на левую руку – даже непривычно, что нет кольца с аквамаринном, оставшегося на пальце спящей Даши. Кольцо Ледяной Девы, сохраняющее память, а на другой руке – кольцо Лесной Сестры. Земля и Вода одновременно, то есть болото? «Надеюсь, в лягушку Даша всё же не превратится», – усмехнулась она. – «А если серьёзно, то что всё-таки делать с бедной девочкой? Моя же идея была сыграть через неё, так что мне и воссоздавать её мир. Или ну его к чёрту, такой мир? Домашний цветочек в стеклянной оранжерее трусливого отца – да, трусливого! Разломали эту оранжерею, теперь цветочек завянет. Наставник ей другой нужен, раз отец оказался никаким учителем! А если...» Но додумать Ледяная Дева не успела – в комнате внезапно появились Виктор, Артур и ошалевший Кресов, которого сразу пихнули на стул.

– Ох! – простонал Виталий Андреевич. – Вы что, ещё и *это* можете? Вот так – куда угодно?

– Не совсем «куда угодно», но можем, – ответил Страж Вихрей. – Кстати, это и есть *она*.

– Ну и как, страшно? – улыбнулась Алина. – Я не белая и пушистая, но всякие ужасы про меня – это мимо кассы.

– В-в... В-выпить есть? – Кресов с надеждой посмотрел на Стража Драконов.

– Конечно. Держи, это просто коньяк, не думай, что зелье какое. Меня, как я уже говорил, Виктором звать, а это Артур и Алина. Огонь, Воздух и Вода.

– А Земля где? – о четырёх Стихиях знал даже такой солдафон, как Кресов.

– Наталия её зовут. С Дашей осталась.

– Дашка здесь? – лихорадочно вскинулся прапорщик.

– Не здесь. Да спит она просто-напросто! Всю ночь же не спала.

– Вы точно ей никакой химии не давали, нет?

– Нет, честно. Ни химии, ни выпивки, удалось так успокоить, – Страж Драконов не погрешил против истины, ибо про магические кольца отец девушки не спрашивал.

– Так верните её, раз уже успокоилась!

– Ну опять! Не «верните», а «пусть вернётся». Не хочет она, понимаешь?

– Что значит «не хочет»? Обязана!

– Да ничего она не обязана! – подключилась Ледяная Дева. – Если не ошибаюсь, ей через пять дней уже восемнадцать. Дети вырастают, ты не знал?

– Дашка не выросла! Ну не сможет она одна жить! – разъярился Кресов. – Ты же с ней общалась, знаешь, что она тихая домашняя девочка. Парни в её возрасте в армию попадают хоть как-то подготовленные – и то косячат так, что «груз двести» идёт! В мирное время! Ну что ты за идиотка!..

Страж Вихрей расхохотался:

– Вот, Андреич! Будешь потом вспоминать, как на Ледяную Деву орал! Прямо как на нерадивого сержанта!

– А я сейчас наору, как на нерадивого Верховного! – выпустила когти Алина. – Да, не сможет! Потому что отец её не научил! Потому что отец вырастил её такой хрупкой, что она сломалась при первом же стрессе. Запер дома и рад! Ах, опасно на улице? А ты её хоть немного в людях и в ситуациях научил разбираться, чтобы было безопасно? А ещё милиционер называется!..

Обстановку слегка разрядила появившаяся Лесная Сестра:

– Алина, смени меня, но похоже, с Дашей всё в порядке, – она незаметно показала вернувшееся на палец кольцо. – Я Наталия, добрый день.

– Ты!.. – с ненавистью выплюнул Виталий Андреевич. – Это ты Дашку похитила!

– Блин! Ну сколько можно? Никто её не похищал, она просто сбежала из дома, – Страж Драконов был уже порядком раздражён.

– А почему сбежала? Потому что одна сука ей фотографию подсунула! И машину любезно подала, чтобы сбежать.

– И это было очень вовремя. Ибо иначе вашу банду скоро накрыли бы, и Даша всё равно бы узнала, – изложил Страж Вихрей. – И вообще, «если не хочешь, чтобы о твоих поступках знали, не совершай их»²¹.

Разговор явно заходил в тупик, но вернувшаяся Ледяная Дева прошептала что-то Лесной Сестре, и на лице той появилось неподдельное удивление, а потом оно стало лицом человека, только что решившего сложную задачу.

– Дар! Я к ней! – выпалила Лесная Сестра и исчезла.

– Ну вот и решение, – протянул Страж Драконов. – Лишь бы она согласилась!

– Что с Дашкой? – встревожился Кресов.

Стихии переглянулись, и Ледяная Дева начала объяснять:

– Дело в том, что Даша тоже немножко фея...

* * *

Гном был именно таким, как их рисуют на картинках – низенький, кряжистый, ухмыляющийся в густую бороду. Он сосредоточенно обрабатывал что-то крошечным резцом, и Даша, приглядевшись, поняла – гравировал надпись внутри золотого кольца. Кольцо, похоже, будет с самоцветом, но камня ещё не было, не было даже каста²² – только изящный ободок из розоватого золота, с небольшим уширением с одной стороны.

А самоцветов вокруг было много! На полочках, в ящичках под столом гнома и даже просто на столе. Девушке стало страшно любопытно – какой же из них мастер вставит в кольцо? Почему-то очень хотелось, чтобы вон тот, зелёный, в виде овала с двумя заострёнными концами.

– Ну что подглядываешь? – оторвался от работы гном. – Ты же в камнях отражаешься, видно. Заходи уж, фея!

– Я не фея, просто интересно, – Даша подошла поближе, разглядывая камни.

– Не фея, говоришь? А кольцо тогда откуда? Хотя подожди... Ну да, кольцо сестры Наталии, узнаю, сам же и делал, – гном кивнул на левую руку Даши. – Так ты её ученица?

– Ой! – девушка посмотрела на руку – на среднем пальце действительно было кольцо с золотисто-зелёным камнем. – Но я не знаю никакой сестру Наталию.

– Ни одну фею не приведёт сюда чужое кольцо, – пробурчал мастер. – Только ученицу, которой метресса сама на время надела своё.

– Я вспомнила! Такое кольцо было у Таисии!

– «Таисия», как же! Сестра Наталия она, а не Таисия! Уж не знаю, почему не представилась тебе настоящим именем, но кольцо на тебе точно её. А что написано, скажи?

– Где написано?

– На кольце, конечно.

– Не знаю... А где там должно быть написано? – девушка повертела перед глазами кольцо, но не нашла никакой надписи.

– Да вот же, внутри, – гном показал кольцо, над которым работал, и Даша прочитала: «Pro domo sua»²³.

– За дом свой... – произнесла она, наслаждаясь каждым словом.

– Именно. Я уж не спрашиваю, что написано на перстне Стража Драконов, но свой-то девиз надо знать! Ладно, так зачем тебя сестра Наталия ко мне послала?

– Да не посылали меня. Сама не знаю, как здесь оказалась. А... а можно камни посмотреть?

– Можно, почему бы и нет? А как называются, знаешь хоть?

– Нет, – пискнула Даша.

– Эх! Ну запоминай тогда. В кольце у тебя – хризолит, это камень сестры Наталии. Вот это, понятно, изумруд, его все Лесные Сёстры носят на правой руке. Вот это всё – сапфиры...

– Но сапфир же синий?

– Не только синий, фея! Бывает и розовый, и жёлтый, и даже зелёный, только не красный. Если красный, то это...

– Рубин!

– Правильно. Вот, кстати, рубины.

– А это что? – Даша заметила камень цвета морской волны. Где же она такой видела? Кажется, в кольце женщины, которая говорила с ней когда-то давно. Откуда-то всплыло и имя – Алина.

– Аквамарин. Камень Ледяной Девы.

– А кто такая Ледяная Дева?

– Я с ней не дружу, – буркнул мастер. – Фея Воды, а зачем нам здесь вода? Хотя кольца и диадему сделал для неё. Больше ничего, не любит она украшений, даже кольца носит только потому, что магические.

– А здесь что? – девушка кивнула на россыпь небольших разноцветных кристалликов. – Прямо как леденцы!

– Гранаты всё это. «Зёрнышки», да. Не бывают они очень крупными. Вот это – пироп... гроссуляр... спессартин...

– А это? – Даша наконец решилась показать на так понравившийся ей зелёный кристалл в виде заострённого овала.

– Что, нравится камень? А ты с пониманием, фея! Демантоид он называется! Самый благородный гранат. Смотри, как искрится! А такая огранка заострённым овалом называется «маркиза». Пожалуй, вставлю в это кольцо, а то всё никак не мог решить, какой самоцвет в нём будет.

Гном продолжал показывать камни, но девушка, как зачарованная, всё смотрела на

искристый демантоид. Искорок становилось всё больше и больше. Вот они уже заполнили весь самоцвет. Вот они оторвались от камня и взвихрились роем мошек. Вот они обвились вокруг Даши и потянули её вверх, вверх, вверх...

* * *

Лесная Сестра тревожно смотрела на просыпающуюся Дашу. Вот оно, решение – взять девушку в ученицы! Дар феи у неё есть, и есть самое главное – желание помочь другому. Учениц у Наты раньше не было, но наплевать – всё когда-нибудь бывает в первый раз. Вот только в каком состоянии Даша проснётся? Не набросится ли опять на всех? И согласится ли стать ученицей? Всё же Лесная Сестра действительно виновата перед ней. Но Ната верила в Дашу настолько, что даже поспорила с Алиной: если девушка станет ученицей – Ледяная Дева наденет платье. Это Алина-то, которая носит исключительно брюки!

В памяти всплывали строчки устава ордена Лесных Сестёр в переводе на более-менее современный русский язык: «...Регалии ученицы составляют кольцо феи, кулон и серьги, выполненные из золота в едином стиле, с одинаковыми зелёными самоцветами...»

Ну, такой простой гарнитур гном-ювелир ей сделает быстро. Дальше идёт насчёт различия регалий, если учениц несколько, но Даша у неё первая. А само посвящение?

«...Должны присутствовать все ученицы посвящающей метрессы, в платьях и при полных регалиях учениц. Метрессе быть в платье феи и полной парюре²⁴, посвящаемой же украшений иметь на себе отнюдь не подобает. Посвящаемая облачается в новое платье ученицы, зелёного цвета. Ежели обычай мира требует также иных предметов одежды и обуви, то всё должно быть новым...»

«Ещё как требует!» – усмехнулась Ната. – «В нашей культуре женщине к платью полагаются как минимум туфли, значит, нужно обеспечить. Да и вообще закупить ей хороших шмоток надо, ученица феи должна одеваться без понтов, но красиво».

«...Метресса возлагает на посвящаемую регалии ученицы в таком порядке: серьги, кулон и кольцо на средний палец левой руки. Надевая посвящаемой кольцо, метресса произносит девиз ордена, который повторяет посвящаемая. И преподано. Посвящаемая отныне именуется ученицей».

Что-то настораживало в этом тексте. Лесная Сестра ещё раз прокрутила перед мысленным взором строчки, потом откинула прядь волос с лица Даши. Чёрт! Ну так и есть – уши не проколоты. Ещё одна проблема...

Видимо, это прикосновение стало последним пузырьком, окончательно вытолкнувшим «посвящаемую» из сна. Даша открыла глаза и удивлённо посмотрела на фею, затем поднесла к лицу левую руку, и её губы задрожали, а на глазах выступили слёзы. Ната с облегчением вздохнула – Даша в норме, спасибо кольцу Ледяной Девы!

– Дашенька... – Лесная Сестра приобняла девушку. – Сон?

– Да-а... А я не досмотрела.

– Попробую, как говорится, угадать. Гном-ювелир?

– Откуда ты...

– Откуда я знаю? Да просто это был не совсем сон. Моё кольцо действительно привело тебя к этому гному, я прекрасно с ним знакома.

– Так ты – сестра Наталия?

– Да, – призналась фея. – Лесная Сестра, стихияль Земли. Но для тебя – просто Ната. Прости, что вчера представилась как «Земля Исиды». Если бы мы знали, как всё сложится...

Хотя нет, если бы мы знали всё наперёд, то вообще тебя не трогали бы.

– А без кольца можно сон досмотреть? Я проснулась, а кольца нет.

– Ты же помнишь, что гном говорил. Без кольца к нему не попадёшь. Кстати, что на нём написано?

– Pro domo sua, – чётко ответила Даша, но сразу вспомнила, что дома у неё больше нет, и опять заплакала.

– Я поняла, – Лесная Сестра участливо посмотрела на растерянную девушку. – Ты не хочешь возвращаться блудной дочерью в разрушенный мир. Тогда вернись как фея и создай новый!

– Но я же не фея?

– Фея. Иначе ты не попала бы к гному даже с моим кольцом. Мастер ведь говорил?

– Да-а, – всхлипнула Даша. А можно ещё к нему? Кольцо дашь?

– Дашуль, кольцо у тебя будет своё! Ты действительно фея, поверь. Вот скажи, из какого металла кольца Ледяной Девы, ты их видела?

– На правой руке – серебро с синим звёздчатым сапфиром, на левой – палладий с аква Марином. Аквамарин довольно редкого оттенка, обычно они более голубые... Ой! Так Алина – это Ледяная Дева?

– Ну да. Где Земля, там и Вода.

– Я думала, Ледяная Дева – это типа призрака.

– Ну что ты! Женщина как женщина, просто фея, как и я. А теперь скажи, Дашуль, ты помнишь, какие камни в моих кольцах?

– Да, гном говорил, что на правой руке всегда изумруд, а вот это – хризолит, – девушка заметно повеселела, почувствовав себя в своей стихии.

– Вот видишь? Твой дар феи Земли – распознавать камни. Ты ведь этому не училась, да и Алину видела в таком раздрае, что было не до рассматривания её колец. Но когда у девушки есть скрытый дар, то, если она ненадолго наденет кольцо феи, дар проявится, что с тобой и случилось. У каждой Лесной Сестры есть свои особые способности, часто даже две или три. Я, например, могу подчинять зверей и подобрать одежду точно по размеру, просто посмотрев на человека...

Даша истерически захохотала:

– Так феи Земли... это... продавщицы? Я... в ювелирном... а ты... в бутике?

Рассмеялась и Ната:

– Нет, Дашуль, бывают способности и серьёзные. Например, снимать боль или даже видеть у человека, скажем, опухоли без всякого рентгена. Но самая главная наша способность – мгновенно перемещаться по земле и даже в земле. Вот это могут все Лесные Сёстры полного посвящения, они носят два кольца, – Ната показала руки. – Это и есть наше истинное служение. Если человек заблудился в лесу, кто его выведет? Если, тем более, ему стало плохо? А если в шахте засыпало обвалом? Призови Лесную Сестру!

– А я смогу так?

– Да, сможешь. Но сначала нужно стать ученицей, с одним кольцом.

– А ученицы что делают?

– Ты же помнишь – pro domo sua. Маленькие, или даже не очень маленькие, добрые дела. Даже улыбка феи – и та может многое! А представь себе пятилетнюю девочку, которая уже неделю болеет, ей всё надоело, капризничает... И тут к ней приходит самая настоящая фея, пусть и ученица, дарит красивое платье и рассказывает сказку на ночь. Впечатляет?

– Угу, – «посвящаемая» улыбнулась. – А кровью где расписываться?

– Ну что за глупости! С дьяволом мы, мягко говоря, не дружим. Но вот государство нас, по идее, тоже должно сильно не любить.

– За такие подставы, как вы нам с папой устроили, никто не полюбит! – нахмурилась Даша.

– Прости, Дашенька, – Лесная Сестра опять приобняла девушку. – Но мы поможем вам. Нет, государство нас не любит за стремление восстановить справедливость. Мы не убираем всяких семихиных – мы вообще никого не убиваем, для Лесных Сестёр это под полным запретом. Но справедливость бывает ведь и денежная! А где взять деньги? Да в земле. Золото, алмазы... Как ни крути – контрабанда драгметаллов, или как это на прокурорской фене точно называется? В общем, Робин Гуды.

– Ага. Ой, не могу! – Даша засмеялась, представив себе, как Ната, в своей длинной юбке, бежит по лесу и стреляет из лука.

– Кстати, насчёт Робин Гуда. Себе-то он не брал, верно? Ну так и мы не должны иметь никаких драгоценностей, кроме парюры и повседневного комплекта – именно потому, что нам доступны все недра. Но лучше вообще не носить никаких левых украшений типа «подружка дала поносить». Всё-таки камни у нас магические, они обижаются, – Лесная Сестра озорно рассмеялась и погладила изумруд в кольце.

– А парюра – это что?

– Увидишь на мне. Но ученице такой не полагается, – быстро добавила Ната.

– Ох... Никогда украшений не носила, а сейчас почему-то захотелось серёжки и эту самую парюру. Это типа короны?

– Диадема, но не только. Полный комплект.

– И мне не полагается? Нууу... – Даша обиженно наморщила нос.

– Дашенька, орден – это всегда какие-то ограничения, и чаще всего разумные. А у нас именно что орден, хоть я пока и одна на Земле. В Лесные Сёстры попадают, как ты понимаешь, в основном «золушки», потому и ограничение. Дорвавшаяся до драгоценностей женщина может такого натворить! Вот видишь, у тебя даже паршивого колечка никогда не было, а уже диадему хочешь. Между прочим, её и полные-то феи надевают только по особым случаям, а вот сейчас на мне как раз камни ученицы, кроме этого изумруда, – Ната сняла кольцо с правой руки. – И кстати, ты уже считаешь себя ученицей, а?

– Угу, – девушка застенчиво кивнула.

– Что ж, правильно, – Лесная Сестра торжественно встала с диванчика, на котором сидели они с Дашей. – Я не сомневалась, что ты – истинная фея! И гном не сомневался. Разве ты не поняла, что кольцо он делал именно для тебя?

* * *

– Если без подробностей, – продолжила Ледяная Дева, – то Даша во сне оказалась у нашего гнома. То есть у Наткиного гнома, мне к нему ходу нет. А попасть к этому гному может только истинная фея Земли.

– Виктор, ты же говорил, что не было никаких веществ! – Кресов резко развернулся к Стражу Драконов. – Повидал я таких торчков – под грибочками и гномов, и эльфов...

– Не, Андреич, он существует! Линка, покажи!

Алина показала свои кольца:

– Его работа, честно. Скажи, похоже на штамповку из ближайшей ювелирки?

– Да не разбираюсь я в ювелирке – откуда деньги на это? Жене колечко подарить не получается никак! Тем более такое. Тебе этот гном небось бесплатно сделал? А зайти в магазин да посмотри, сколько стоит!

– Извини, Андреич, – смутилась Алина. – В общем, Даша оказалась истинной феей, причём феей Земли. Поэтому из нашей ситуации есть выход. Если она станет ученицей Лесной Сестры...

– Что-о? Видеть эту... не могу! А Дашка с вами, что ли, будет таскаться?

– Как раз нет, она вернётся домой. Пойми, она не хочет не вообще возвращаться, а возвращаться в свой старый разрушенный мир! А вот как ученица феи – запросто. Будет у вас домашняя фея, – Ледяная Дева слегка рассмеялась.

Виталий Андреевич схватился за голову:

– Ну вот за что мне эта чертовщина? Стихии, Лесные Сёстры, гномы какие-то... Теперь и Дашка туда же!

– Чертовщина? – возмутился молчавший до этого Страж Вихрей. – Ты хоть знаешь, сколько людей спасли Лесные Сёстры? Заблудившихся, замерзавших в лесу или в поле? Ты знаешь, сколько пожаров потушил Страж Драконов? Потушил ещё до того, как разгорелось настолько, что пожарных вызывать надо было бы?

– Но Дашку-то зачем в это...

– А если не «в это», то во что? Ты же сам говорил – девочка тихая, не пробивная. С антиквариатом дело иметь ты ей опять же не дашь, там криминал близко. Училкой истории в школу пойдёт? В контору бумажки перекладывать? А статус феи, даже ученицы – это, во-первых, защита, то есть твоя постоянная озабоченность. Во-вторых, нормальная еда и хорошие шмотки. Хорошие, прошу заметить, а не роскошные!

– И машина, конечно? – саркастически усмехнулся Кресов. Машины у него не было, но вообще-то хотелось.

– Ну, у нас у всех есть – не всегда уместно светить способность *появляться*. Но опять же не для понтов, а просто нужна иногда.

– Господи, вы что, ещё и за руль Дашку посадите? Она же только до первого столба доедет!

– Ну как можно так не верить в собственную дочь, а? Нет, если это совершенно «не её», не посадим. Хотя Алина, например, водит превосходно.

Наступила пауза, которую прервал звонок мобильного. Звонили Кресову, и тот, выслушав короткую фразу, расцвёл улыбкой.

– Андрей? – спросил Страж Драконов.

– Да, а откуда...

– Я был сегодня у него. Всё рассказал и попросил позвонить.

– Ну ничего от вас не скроешь! – ударил кулаком по столу Виталий Андреевич. – Ещё и Андрея впутали!

– Я просто вернул друг другу старых друзей, – чеканно произнёс Виктор. – Тоже ведь помогал разрушать ваш мир, так что теперь помогаю создавать новый.

– Дракоша, заступай! – на одном дыхании выпалила появившаяся Лесная Сестра. – Расскажешь ей про Стихии. Линка, ты мне проспорила, будешь в платье! Артур, метнись к Алексею, он тоже за Дашу переживает!

На лице Ледяной Девы появилось выражение чуть ли не с отрицательным «пэ-аш»:

– Ладно... попробую бабскую сбрую.

– А почему не Артура к Даше? – предложил Виктор. – У него лучше получится рассказать.

– Потому что шуточки у него... От греха подальше.

Страж Драконов, согласно кивнув, исчез, и Лесная Сестра уселась на его место:

– Андреич, ты можешь меня простить? Я действительно виновата, не надо было трогать Дашу. Но раз уж так получилось, сделаю для неё всё что могу. Защита и достаток, как и было сказано. И отец, которого мы вывели из-под удара, не забывай!

Наступила тишина, нарушаемая лишь скрипом сжатых зубов Кресова, который с ненавистью вглядывался в фею. Наконец он расслабил лицо и произнёс:

– И ты меня прости. За «суку».

Ната молча улыбнулась, принимая примирение.

– Значит, всё-таки ученица? – с тоскливой обречённостью вздохнул прапорщик. – А как же университет? Помню, она так рада была, что поступила!

– Так же, только лучше! – весело рассмеялась Лесная Сестра. – Да, мы – Стихиали, но при этом ещё и обычные люди с обычными профессиями, можем учиться и работать, как все.

Снова зазвонил мобильник Кресова, и тот, посмотрев на экран, вздрогнул и судорожно надавил кнопку ответа:

– В восемь? Ждём, Дашенька!

– Наконец-то «Дашенька», а то всё «Дашка» да «Дашка», – прошептала себе под нос Ледяная Дева.

Кресов обвёл взглядом компанию в комнате – теперь он уже искал поддержки:

– Только Светлане я как объясню? Где всё это время Даша была, где я сам полдня провёл? Не поверит ведь!

– А ты нас в гости пригласи да и всё, – невозмутимо предложила Алина.

– Ледяную Деву – в гости?! Хотя... раз я сам у неё в гостях...

– Всех четверых, кстати, не стоит, – заметил Страж Вихрей. – Только Алину, ну и Нату, всё равно она вместе с Дашей появится. И Андрея не забудь.

– Разумно, – подтвердила Лесная Сестра. – Страж Вихрей и Страж Драконов не на слуху, но вот Ледяная Дева – это бренд! Значит, будем с Дашей к восьми, – она поднялась из-за стола и исчезла.

– А мы с Андреем – к половине восьмого, – уточнила Ледяная Дева. – Звони ему. Да, и задержись немного, подождём Нату, хорошо?

...Запыхавшаяся Ната сунула Кресову большой пакет:

– Для Светланы! Она знает, что с этим делать. Сегодня пусть непременно наденет, а то получится, что Даша нарядная, а её мама – нет?

– Что сказать-то ей?

– Правду, конечно! Всё как было. Значит, сначала Андрей с Алиной, через полчаса мы с Дашей.

– Идём *появимся*, – подошёл Страж Вихрей. – Я так понимаю, лучше у дверей, а не прямо в квартире. Потом я сразу обратно.

Виталий Андреевич уже сделал шаг к нему, но в последний момент спохватился и положил на стол пистолет:

– Выкиньте, а? Где-нибудь на Северном полюсе!

* * *

Он долго не решался открыть дверь. Слишком много и слишком неправдоподобно навалилось за эти полтора дня! Как теперь с женой объясняться? Первое, что она спросит: «Где Даша?» И что ему отвечать? «Девочка у фей, и она сама немножко фея»? Светлана резонно заметит, что таких фей у них в супермаркете – на пятак пучок, и потребует сказать правду. Так что же делать, если это и есть правда?

А, будь что будет! Виталий Андреевич решительно повернул в замке ключ и вошёл. Светлана мгновенно высунулась из кухни:

– Что с Дашей?

– Звонила. Сказала, что вернётся ровно в восемь.

– Выдрессировал! Вот только насчёт ночёвок не дома не надрессировал! – язвительно отозвалась жена, которая давно была не в восторге от строгостей мужа, но нехотя уступала ему в вопросах воспитания. – А это что у тебя? Ты в Милане, что ли, Дашу искал?

– В каком Милане?

– Пакет откуда? Это же известный фирменный магазин.

«Натка, зараза!» – сердито выругался про себя Кресов. – «Откуда мне было знать, что она и в Милан может попасть так же легко, как к себе домой?»

– П-пакет для тебя. От Ледяной Девы, – он не стал упоминать малоизвестную Лесную Сестру, а назвал имя, известное не только милиционерам, но и их жёнам. «Прости, Наталья, приврал немного».

– С каких пор ты стал так спокойно её поминать? – Светлана в Ледяную Деву особо не верила и к страхам мужа и его коллег относилась с иронией.

– Света! Я с ней говорил, как с тобой сейчас! Буквально несколько минут назад.

– И как? Память она тебе не стёрла?

– Тебя, как видишь, помню! – общение с ироничным Стражем Вихрей всё же сказывалось – раньше прапорщик Кресов не ответил бы в таком стиле.

Он сделал шаг вперёд и обнял жену:

– Прости, Света...

– За что?

– За то, что я так и не мог перестать бояться Игоря. На всех кричал, Дашу упустил, – Виталий Андреевич прекрасно знал, что Светлана его начальника просто ненавидела.

– Неужели с ним разобрались? – вспыхнула радостью жена. – Следовало ожидать. Его, по-моему, все терпеть не могли.

– Я разобрался, – выдохнул Кресов.

Светлана не стала причитать и заламывать руки – она лишь спокойно спросила:

– Ствол-то сбросил? Алиби есть?

– Всё в порядке. Только форму постирать надо срочно, ствол в кармане лежал.

– Так раздевайся, что стоишь? По спичке!²⁵

«Ох, какая же у меня боевая подруга!» – подумал Виталий Андреевич, влезая в джинсы и рубашку. – «А я не ценил. Ни её, ни Дашу. Неужели только после потерь начинаешь ценить хороших людей? Дашу-то я пока потерял, она не вернулась...»

– Так где всё-таки Даша? – спросила жена.

– У фей. Ледяная Дева и ещё одна.

– Всё равно не поверю! Разве только своими глазами увижу этих фей.

– Так увидишь! Они сегодня придут в гости. И... и Андрей.

– Ты помирился с Андреем?! Нет, после этого даже феи в гостях – уже не так

невероятно.

– Да! И они с Ледяной Девой будут в половине восьмого.

– Они что, знакомы?!

– Нет, просто подойдут одновременно. Да, пакет-то посмотри! Лесная Сестра очень просила нарядиться.

– Лесная Сестра? Что ж ты сразу не сказал? Это вы у себя на Ледяной Деве заикнулись, а простые люди больше про Лесную Сестру слышали. Даша у неё? Да?

– Да, – Кресов так и не смог заставить себя сказать жене, что не просто «у неё», а «её ученица».

– Тогда я спокойна, – улыбнулась Светлана. – Это очень добрая фея.

* * *

– Pro domo sua! – провозгласила Лесная Сестра.

– Pro domo sua! – повторила Даша, принимая кольцо ученицы. Кольцо с тем самым демантоидом из её сна.

Земля словно распахнулась перед ней. Бешено крутились перед глазами леса и степи. Раскрывали свои недра древние горы. Величественно проплывали бескрайние пустыни. И города, города... И в них – люди, люди, которым иногда так не хватает улыбки феи!

Девушке показалось даже, что она видит довольно усмехающегося в бороду гнома-ювелира. Нет, всё-таки показалось. На этот раз – показалось. Но ещё увидятся!

– Дашуль, Земля приняла тебя?

– Да! – она была уверена в этом, как ни в чём ином.

– Тогда подойди к зеркалу. Пусть новая фея улыбнётся тебе первой!

Даша даже не сразу узнала фею, подарившую ей свою первую улыбку. Изумрудно-зелёное муаровое платье, аккуратно уложенные тёмные волосы, искристые зелёные камешки в ушах... Но главное – не было того выражения закомплексованности, с которым смотрело на неё зеркало ещё вчера. Только приветливость и уверенность.

Потом в зеркале появилась ещё одна фея – с золотистыми волосами, вся в самоцветах. Она тоже улыбнулась... и заплакала, обняв девушку:

– Ученица... Моя первая ученица!

* * *

Звонок прозвучал ровно в половине восьмого. «А Ледяная Дева пунктуальна, однако!» – усмехнулся про себя Виталий Андреевич. – «Женщина, да, но вот *бабства* в ней нет».

На пороге стоял смущённый Андрей. Вернувшийся друг, с которым они не знали больше десяти лет! Но открывшая дверь Светлана ошарашенно смотрела не на Андрея, а на женщину, которую тот, как галантный кавалер, пропустил вперёд.

Глаза цвета морской волны.

Тёмно-голубое платье с пеной кипенно-белых кружев по вороту.

Диадема, сверкающая всеми оттенками воды и льда.

Ледяная Дева.

* * *

– Теперь я верю, – медленно произнесла Светлана. – И знаешь, почему? Глаза. Слишком печальные для обычной женщины.

– Знаешь, ты первая это заметила, – чуть погодя ответила Алина. – Что только не говорят про Ледяную Деву! Как её боятся! Но никому нет дела до её печали...

Светлана молча смотрела на сидящую напротив фею. А потом, повинувшись неожиданному порыву, погладила её по руке:

– Алина... Линочка...

Ледяная Дева встрепенулась и тряхнула головой, словно сбрасывая наваждение:

– Вот «Линочкой» меня тоже никто не называл. Даже в детстве, потому что тогда меня звали не так, – она загадочно улыбнулась. – Ладно, давай к делу. Сейчас сюда забросят упаковку для Даши, не в платье же ей завтра в универ!

– Господи, небось всё из того же магазина? – Светлана показала на свой нарядный костюм цвета светлой терракоты. – Ты представляешь, какие это деньги? Мы не олигархи, чтобы дочку так одевать каждый день. Что про неё подумают? Была растрёпанная девчонка в шмотках «с раскладушки», а теперь в брендах ходит – откуда деньги?

– Не волнуйся, Света! Никакой кричащей безвкусицы.

– Это как раз хуже всего! У Даши на факультете есть и девочки из зажиточных семей, они сразу распознают бренды – женщины такие вещи подмечают. Зажиточных, а не богатых! Им самим такое не по карману каждый день носить, а тут вчерашний гадкий утёнок, да если ещё и с хорошим вкусом? Да её просто затравят от зависти!

– Ученицу Лесной Сестры? Затравят? – Алина даже слегка оскалилась.

– Как ученицу?.. Виталий! Ты же сказал, что Дашу просто «приоденут в красивое платье»! А про это ты ничего не говорил!

В это время раздался звонок, и Ледяная Дева метнулась открывать. Так и есть – Страж Вихрей, нагруженный пакетами. Он передал пакеты, озорно подмигнул и исчез.

– Ты хоть представляешь, что такое Лесная Сестра? – с жаром продолжала в это время Светлана. – Да, фея добрая, но на ней же золота с бриллиантами чуть ли не килограмм! Это что, у Даши тоже Алмазный фонд будет? В обычной квартире? Зачем нам такие хлопоты?

Кресов попытался было возразить, что никаких бриллиантов килограммами Лесная Сестра не носит – только серьги и два кольца, и не с бриллиантами. Но жена уже завелась:

– Главное, что Дашенька, получается, теперь ведьма какая-то! – и она заплакала, спрятав лицо на груди подошедшей Алины.

– Света... Не ведьма, а фея. Ты же сама говоришь, что Лесная Сестра – добрая фея. И Даша добрая, – Ледяная Дева погладила Светлану по голове.

Та неожиданно резко выпрямилась:

– Да. Она – добрая. Зла людям делать не будет – хоть фея, хоть не фея. Лишь бы ей зла не сделали!

– А вот об этом мы позаботимся, – зловеще протянула Алина. – Ледяную Деву не зря боятся! Да и Огонь с Воздухом всегда с нами...

– Мама!

В прихожей стояли Лесная Сестра и Даша. Нет – Лесные Сёстры!

Одна – как цветущая майская яблоня.

Другая – как лесная ель на розовом январском закате.

* * *

– Мама! – бросилась обниматься Даша.

Светлана на мгновение замешкалась. Эта красавица – её Даша? Та всегда была хмурым

гадким утёнком, а у этой девушки – и уверенность в себе, и неподдельная приветливость, и она даже чуть выше ростом...

– Мама!

Что за наваждение? Даша, конечно же. Её голос. Её руки. Её лицо, наконец – только выражение стало совсем другим. А что до роста – стыдно женщине не помнить, что к такому платью полагаются туфли на каблуках! Ох! Голова...

Даша сообразила – у мамы опять мигрень. Как не вовремя! Но камень в её кольцо как будто подтолкнул руку вверх, и девушка, доверившись магическому самоцвету, приложила руки к вискам Светланы и поняла – маме больше не больно. «Я могу снимать боль! Ещё один дар!»

– Дай хоть на тебя посмотреть, феечка ты моя! – мягко улыбнулась мама. – Надо же, какая красавица... Ох, как резко ты решила стать женщиной! – она чуть неодобрительно покачала головой – впрочем, больше от непривычки.

– Папа... – уткнулась Даша в грудь Виталия Андреевича. – Дядя Андрей! – помахала она рукой. – Я знала, что ты придёшь! А это...

– Наталия, – представилась Лесная Сестра. – Да просто Ната.

– Давайте уж за столом поговорим, – пригласил всех Кресов.

Разговор, однако, сначала не ладился. Мужчины никак не могли преодолеть десятилетнюю пропасть, чтобы стать прежними Виталием и Андреем. Светлана не отрывала тревожного взгляда от Даши – что же теперь будет с её дочкой? Иногда, впрочем, она бросала взгляд на диадему и ожерелье Наты и ошарашенно трясла головой. Даша чувствовала всю эту напряжённость, но не знала, как её разрядить. Лесная Сестра тоже не решалась начать разговор, зная, что родители Даши её недолюбливают. Положение могла спасти только Ледяная Дева – и она, решительно встав, сняла со стены гитару Светланы.

«Как же у меня из головы вылетело?» – подумала Ната. – «Алина прекрасно играет на гитаре, и голос у неё великолепный. Хорошо, что здесь не Артур! С него бы случилось и «Плясовую палачей» Галича исполнить сейчас – всегда шуточки на грани. А Алина, надеюсь, сообразит».

Кто сказал, что надо бросить

Песни на войне?

После боя сердце просит

Музыки вдвойне!..²⁶

Неожиданно! Уж никак не от молодой женщины было ждать такой песни! Но похоже, Ледяная Дева нашла верную струну – Кресов встрепенулся, улыбнулся всем собравшимся и разлил по фужерам вино.

«Папа улыбается! Он же всегда был суровый!» – расцвела Даша.

Кто сказал, что сердце губит

Свой огонь в бою?

Воин всех вернее любит

Милую свою!..

Низкий стелющийся голос Алины продолжал возрождать пошатнувшийся мир семьи

новой феи – Светлана, оторвав наконец озабоченный взгляд от дочери, восхищённо посмотрела на Виталия Андреевича и обняла его. Это её мужчина! Мужчина, совершивший сегодня поступок благородного воина, а не мента. Она гордится им!

*Кто придумал, что грубеют
На войне сердца?
Только здесь хранить умеют
Дружбу до конца!..*

Кресов, продолжая обнимать Светлану, повернулся к Андрею:

– Шурика-то помнишь?

– Конечно. Плохо с ним, тоже вытаскивать надо.

Дальше говорили уже два друга. О каком-то смешном полковнике. О боевых товарищах, которых уже нет с ними. О Шурике, которого Семихин тоже подставил и который теперь тихо (или не очень тихо) пьёт, и ему нужно как-то помочь...

Однако Ната чувствовала, что воссоздание мира Даши не завершено – родители ещё не до конца приняли девушку как ученицу феи. Для этого они должны в первую очередь принять её, Лесную Сестру, – и как человека, и как метрессу дочери. Она решительно протянула руку, и Алина, понимающе кивнув, передала ей гитару.

*Давайте восклицать, друг другом восхищаться,
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты –
Ведь это всё любви счастливые моменты...²⁷*

Задорный звонкий голос смывал недоверие, как грязную пену – Светлана, окончательно оттаяв, попросила у Ледяной Девы посмотреть её диадему, и та, охотно сняв украшение, начала показывать камни. Потом уже Виталий Андреевич, взглянув на Натю совершенно как на свою, рассмеялся и сказал: «Ну вы, женщины, даёте! С таким ожерельем никакого бронежилета не надо!» Тут же подключился и Андрей, заявивший, что у них в банке как раз есть сейфы для перевозки ценностей, в которые можно засунуть всю женщину целиком, чтобы ей не приходилось каждый раз снимать такую парюру.

*Давайте горевать и плакать откровенно,
То вместе, то поврозь, а то попеременно.
Не надо придавать значения злословью,
Поскольку грусть всегда соседствует с любовью...*

Светлана, смеясь, шепталась с Дашей – болтали «о своём, о девичьем». Кресов с Андреем, приняв в свой кружок Алину, потихоньку пили коньяк и посмеивались «о своём, о мужском». И голос Лесной Сестры обнимал землю, возвещая о воссоздании мира одной простой девушки.

Глава 3. Медленный яд

19 января 2005

...Разные, «потерявшие себя» люди, а были когда-то настоящие.

И. Шмелёв

– На самом деле наше служение – именно помочь человеку воссоздавать его мир, – сказала Ледяная Дева. – Помогать, а не делать всё за него! Почти любой человек способен на Поступок, и наша задача – подвести его к точке, с которой он сможет прыгнуть вверх. Аудохленные оффи²⁸ – давно уже не главное.

– Разве? А Семихин? Избавили людей от такого государева уroda – неужели не главное?

– А разве ты не заметил, что с его уничтожением началось воссоздание сразу нескольких миров? Но в том-то и дело, что для того, чтобы помочь человеку, который не может справиться один, обычно не надо никакого «мясо-кровь-кишки». Обычно бывает – хуже.

– Хуже, чем «мясо-кровь-кишки»?

– Да. Медленный яд – страшнее и безнадежнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4ya>

notes

Описываемые события относятся к 2004 году, милиция тогда ещё не была переименована в полицию.

Мосол (*жарг.*) – младший сержант.

Святой Коннектий – шуточный покровитель интернетчиков, «дарующий хорошее соединение» (от англ. connect – соединять).

ОПГ – организованная преступная группировка.

События 3–4 октября 1993 года. «Бориска» – Б.Н. Ельцин (1931–2007), президент России в 1993 году.

После знаменитого Нюрнбергского процесса 1945–1946 годов над высшими руководителями нацистской Германии в том же городе в 1946–1949 годах состоялось ещё несколько судов над нацистскими силовиками и другими чиновниками.

Вымышленные имена всех четверых связаны с их стихиями: Игнат (Игнатий) – «огненный», Марина – «морская», Таисия (Таис) – «земля Исиды», Борис – созвучно с «Борей» (северный ветер).

Под «Борисом Первым» подразумевается Борис Годунов.

Имеются в виду А.В. Руцкой и Р.И. Хасбулатов.

Кафизма – раздел Псалтири, несколько идущих подряд псалмов. Псалтирь делится на 20 кафизм.

Звания в СС. Штандартенфюрер соответствует армейскому полковнику, штурмбаннфюрер – майору.

Шарфюрер – звание в СС, приблизительно соответствует армейскому старшему сержанту. Schwuchtel – см. «альтернативный немецкий словарь».

«Следовательно, этот Швухтель – убийца. Понимаешь?» (нем.)

Фраза Иешуа о Мастере (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»).

Примечание специально для прапорщиков: всё это, конечно, чушь собачья.

Такое иногда действительно бывает.

А. Дюма, «Граф Монте-Кристо».

Res publica (*лат.*) – букв. «общее дело».

Здесь и далее все фамилии вымышлены. Любое возможное совпадение является случайным.

Турецкая пословица.

Китайская пословица.

Каст – оправка для драгоценного камня в ювелирном изделии.

«За дом свой» (*лат.*). Юридическая формулировка, означающая «в защиту самого себя и своих дел», но как девиз Лесных Сестёр следует понимать буквально.

Парюра – комплект украшений, выполненный в едином стиле. Как правило, состоит из довольно большого числа драгоценностей, включая диадему.

Т.е. надо успеть раздеться, пока горит спичка.

Стихи В. Лебедева-Кумача.

Стихи Б. Окуджавы.

Оффи – более широкое понятие, чем «чиновник»: вообще проводник государственного диктата или аккомодатор человека к нему, в том числе через педагогику, культуру, медицину или религиозный культ. Термин заимствован из цикла «Конфедерация Меганезия» А. Розова.